

С Е Р И Я
П О Л И Т И Ч Е С К А Я
Т Е О Р И Я

SOCIAL
ORIGINS
OF DICTATORSHIP
AND DEMOCRACY

*Lord and Peasant in the Making
of the Modern World*

BARRINGTON MOORE JR.

СОЦИАЛЬНЫЕ ИСТОКИ ДИКТАТУРЫ И ДЕМОКРАТИИ

*Роль помещика и крестьянина
в создании современного мира*

БАРРИНГТОН МУР-МЛАДШИЙ

Перевод с английского
АЛЕКСЕЯ ГЛУХОВА

*Издательский дом
Высшей школы экономики*
МОСКВА, 2016

УДК 316.4(321.6+321.7)
ББК 60.56
М91

Составитель серии
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Дизайн серии
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Научный редактор
НИКОЛАЙ ЭДЕЛЬМАН

- Мур-младший, Б.**
М91 Социальные истоки диктатуры и демократии: Роль помещика и крестьянина в создании современного мира [Текст] / пер. с англ. А. Глухова; под науч. ред. Н. Эдельмана; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. — 488 с. — (Политическая теория). — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-1004-9 (в пер.).

В классической работе выдающегося американского исторического социолога Баррингтона Мура-младшего (1913–2005) предлагается объяснение того, почему Британия, США и Франция стали богатыми и свободными странами, а Германия, Россия и Япония, несмотря на все модернизационные усилия, пришли к тоталитарным диктатурам правого или левого толка. Проведенный автором сравнительно-исторический анализ трех путей от аграрных обществ к современным индустриальным — буржуазная революция, «революция сверху» и крестьянская революция — показывает, что ключевую роль в этом процессе сыграли как экономические силы, так и особенности и динамика социальной структуры.

Книга адресована историкам, социологам, политологам, а также всем интересующимся проблемами политической, экономической и социальной модернизации.

УДК 316.4(321.6+321.7)
ББК 60.56

В оформлении обложки использован фрагмент картины Гранта Вуда «Американская готика» (1930).

ISBN 978-5-7598-1004-9 (рус.) Copyright © 1966 Barrington Moore, Jr.
ISBN 978-080705073-6 (англ.) © Перевод на рус. яз., оформление.
Издательский дом Высшей школы экономики, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	9
-----------------------	---

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ИСТОКИ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

I. АНГЛИЯ: ЗНАЧЕНИЕ НАСИЛИЯ И ГРАДУАЛИЗМ	19
1. Роль аристократии при переходе к капитализму в аграрном обществе.	19
2. Аграрные аспекты гражданской войны	29
3. Огораживания и уничтожение крестьянства	34
4. Аристократическая власть для победившего капитализма	41
II. ЭВОЛЮЦИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ ВО ФРАНЦИИ	51
1. Отличие от Англии и его причины	51
2. Ответ дворян на коммерциализацию сельского хозяйства	55
3. Классовые отношения при абсолютизме	64
4. Аристократический натиск и коллапс абсолютизма	70
5. Отношение крестьянства к радикализму во время революции	76
6. Крестьянство против революции: Вандея	94
7. Социальные последствия революционного террора	101
8. Резюме	108
III. ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В АМЕРИКЕ: ПОСЛЕДНЯЯ КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ	110
1. Плантация и фабрика: неизбежный конфликт?	110
2. Три формы развития американского капитализма	114
3. К объяснению причин войны	128
4. Революционный импульс и его угасание	136
5. Значение войны	143

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ТРИ ДОРОГИ АЗИИ В СОВРЕМЕННЫЙ МИР

*Замечание. Проблемы сравнения политических процессов
в Европе и Азии* 151

IV. ЗАКАТ КИТАЙСКОЙ ИМПЕРИИ И НАЧАЛО
КОММУНИСТИЧЕСКОГО ПУТИ. 154

1. Высшие классы и имперская система. 154

2. Джентри и мир коммерции. 164

3. Провал коммерческого сельского хозяйства. 168

4. Закат императорской системы
и возвышение генералов. 170

5. Эпоха Гоминьдана и ее значение 176

6. Восстание, революция и крестьянство 188

V. АЗИАТСКИЙ ФАШИЗМ: ЯПОНИЯ 211

1. Революция сверху: реакция правящих классов
на старые и новые угрозы. 211

2. Отсутствие крестьянской революции 232

3. Преобразования Мэйдзи:
новые помещики и капитализм 250

4. Политические последствия:
природа японского фашизма 265

VI. ДЕМОКРАТИЯ В АЗИИ:
ИНДИЯ И ЦЕНА МИРНЫХ ПЕРЕМЕН 284

1. Значение индийского опыта. 284

2. Индия при Моголах: препятствия для демократии. 286

3. Деревенское общество: препятствия для восстания. 297

4. Перемены, осуществленные британцами до 1857 г. 308

5. Рах Britannica 1857–1947 гг.: помещичий рай? 318

6. Союз буржуазии и крестьянства,
основанный на ненасилии 333

7. Замечание о масштабе и характере
крестьянского насилия. 340

8. Независимость и цена мирных преобразований. 346

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ СЛЕДСТВИЯ И ПРОГНОЗЫ

VII. ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ПУТЬ В СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО	371
VIII. РЕВОЛЮЦИЯ СВЕРХУ И ФАШИЗМ	388
IX. КРЕСТЬЯНЕ И РЕВОЛЮЦИЯ	406
ЭПИЛОГ. РЕАКЦИОННАЯ И РЕВОЛЮЦИОННАЯ ОБРАЗНОСТЬ	433
ПРИЛОЖЕНИЕ. ЗАМЕЧАНИЕ О СТАТИСТИКЕ И КОНСЕРВАТИВНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ	456
ЛИТЕРАТУРА	469

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этой книге предпринимается попытка объяснить различные политические роли, сыгранные высшими классами землевладельцев и крестьянством в процессе трансформации аграрных обществ (для простоты их можно определить как страны, где большинство населения проживает в сельской местности) в современные индустриальные государства. Если говорить конкретнее, то это попытка обнаружить набор исторических условий, в силу которых либо одна из этих аграрных групп либо сразу обе становились важными факторами, обусловившими возникновение парламентской демократии западного типа или же диктатуры, как правого, так и левого толка, т.е. фашистского и коммунистического режима.

Поскольку исследователь общества никогда не надеется на то, что волнующая его проблема свалилась на него с неба, стоит коротко указать, какие соображения стояли за ее выбором. Больше десяти лет тому назад, еще до начала серьезной работы над этой книгой, у меня возникло сомнение в том, что индустриализация была главной причиной возникновения тоталитарных режимов XX в., ведь Россия и Китай были преимущественно аграрными странами, когда коммунисты захватили там власть. Задолго до этого я пришел к убеждению, что адекватное теоретическое понимание политических систем должно учитывать особенности функционирования и истории социальных институций в азиатских странах. Поэтому возможность изучить, какие политические течения господствовали среди сельских классов, уделив при этом азиатским обществам не меньше внимания, чем западным, показалась мне многообещающей исследовательской стратегией.

В первой части книги рассматривается демократический и капиталистический путь перехода в современную эпоху, варианты которого согласуются с тем, как эта трансформация протекала в Англии, Франции и Соединенных Штатах. В мои первоначальные планы входило завершение этого раздела аналогичными главами, посвященными Германии и России, которые должны были показать, каким образом социальные истоки фашизма и коммунизма в Европе отличались от того, что сопровождало возникновение парламентской демократии. Но в итоге я предпочел отказаться от написания этих двух глав, отчасти потому, что книга и так уже вышла слишком большой, а отчасти потому, что за время ее написания появились первоклассные исследования, так что к предложенной в них интерпретации социальной истории этих двух стран я едва ли смог бы что-то добавить. В то же время в своей книге я

по-прежнему свободно ссылаюсь на немецкий и российский материал, как ради сравнительной иллюстрации, так и при подведении теоретических итогов в третьей части. Источники, которые легли в основу моего понимания немецкой и российской социальной истории, приводятся в библиографии. Восполнить отказ от прямого рассмотрения событий в Германии и России мне удалось более подробным обзором (во второй части книги) азиатских версий фашизма, коммунизма и парламентской демократии — соответственно в Японии, Китае и Индии (где аграрные проблемы сохраняют свою остроту). История и социальная структура этих стран обычно мало знакомы образованной западной публике, поэтому критики должны быть снисходительны к автору, решившему уделить больше внимания тому, о чем меньше знают.

Против выбора именно этих тем можно выдвинуть возражение, что их диапазон слишком широк, так что его не под силу адекватно охватить одному человеку, но в то же время крайне узок, чтобы делать корректные обобщения. Автору вряд ли уместно рассуждать о том, что его замысел слишком грандиозен, хотя нередко он сам был искренне готов согласиться с этим суждением. Критики могут также указать, что в книге не уделяется никакого внимания ни демократиям Швейцарии, Скандинавии или Бенилюкса, ни регионам с коммунистической формой правления: Кубе, государствам-сателлитам Советского Союза в Восточной Европе, Северному Вьетнаму и Северной Корее. Действительно, как можно делать общее заключение о развитии западной демократии или коммунизма без учета этого опыта? Не приводит ли пренебрежение малыми западными демократиями к возникновению в масштабе всей книги заметного антикрестьянского перекося? На мой взгляд, существует объективный ответ на эту критику. Данное исследование фокусируется на ряде важных этапов длительного социального процесса, происходившего в нескольких странах. В ходе этого процесса посредством насилия либо иным образом возникали новые социальные отношения, что делало определенные страны политическими лидерами в различные моменты истории первой половины XX в. В центре нашего внимания именно те новшества, которые вели к политическому преимуществу, а не распространению и рецепция институций, изобретенных на стороне, за исключением тех случаев, когда это приводило к значительному росту влияния в мировой политике. Тот факт, что малые страны экономически и политически зависели от крупных и могущественных, означает, что ключевые пружины их внутреннего политического механизма находились за пределами их границ. Это, в свою очередь, означает, что их политические проблемы невозможно реально сравнивать с проблемами крупных стран. Поэтому общее заключение об исторических условиях демократии и авторитаризма, относящееся к малым странам, скорее всего, будет слишком широким и абстрактным до банальности.

С этой точки зрения анализ трансформации аграрного общества в избранных странах может стать ничуть не менее плодотворным, чем если бы в его основе лежало более представительное обобщение. Так, например, важно знать, какой вклад в установление парламентской демократии в Англии внесло решение аграрных проблем и почему неспособность решить аграрные проблемы совсем иного типа угрожает демократии в сегодняшней Индии. Более того, для каждой конкретной страны приходится искать причинно-следственные связи, которые с трудом вписываются в универсальные теории. И наоборот, чрезмерная привязанность к теории всегда таит в себе опасность того, что роль фактов, согласующихся с данной теорией, оценивается выше их подлинного значения для истории отдельных стран. По этим причинам большую часть книги занимает рассмотрение трансформации, происходившей в нескольких странах.

Параллели и сравнения, возникающие при интерпретации истории отдельной страны, могут привести к постановке весьма полезных, а порой и совершенно новых вопросов. Есть и другие преимущества. Сравнения служат грубой негативной проверкой общепризнанных исторических объяснений, а сам сравнительный подход может привести к новым историческим обобщениям. На практике эти особенности конституируют единый интеллектуальный процесс, что делает подобное исследование чем-то большим, нежели просто подборкой любопытных случаев. Например, если выясняется, что в XIX–XX вв. индийские крестьяне материально пострадали не меньше, чем китайские, но это не привело к зарождению в Индии массового революционного движения, то возникает сомнение в традиционных объяснениях процессов, происходивших в этих двух странах, что пробуждает повышенный интерес к причинам крестьянских восстаний в других государствах в надежде на установление закономерностей. Или, если известно, какой катастрофой для демократии обернулось возникновение коалиции аграрных и промышленных элит в Германии конца XIX — начала XX в. (получившей название «союз ржи и стали»), спрашивается, почему аналогичный «союз стали и хлопка» не предотвратил Гражданскую войну в Соединенных Штатах; в результате чего приходится сделать еще один шаг в определении конфигураций, благоприятных или неблагоприятных для установления современной западной демократии. Само собой разумеется, что сравнительный анализ такого рода не может стать заменой углубленного изучения конкретных случаев.

Корректные обобщения напоминают крупномасштабную карту обширной территории, вроде тех, что применяются летчиками, пересекающими континент. Такие карты нужны для специфических целей, тогда как для других целей потребуются более подробные карты. Когда чело-

век впервые ориентируется на местности, ему не нужно знать расположение каждого дома или тропы. Однако если осматривать местность во время пешей прогулки — историк-компаративист по большей части занимается именно этим, — то взгляд прежде всего выхватывает детали. Их подлинное значение и взаимные отношения выясняются лишь впоследствии. Долгое время исследователь может блуждать в зарослях фактов, где на каждом шагу попадаются специалисты, вовлеченные в жаркие дебаты о том, чем считать эти заросли — сосновым лесом или тропическими джунглями. И вряд ли из подобных дискуссий ему удастся выйти без шишек и синяков. А если он нарисует карту той области, которую посетил, местные жители наверняка обвинят его в том, что он забыл отметить на ней даже свой собственный дом и просеку, — что будет чрезвычайно печально, если ученый обрел там поддержку и отдохновение. Возмущение, по-видимому, будет еще более сильным, если, завершив путешествие, исследователь попытается описать для тех, кто придет ему на смену, наиболее поразившие его вещи. Но это именно то, что я пытаюсь сделать: нанести широкими мазками основные находки и дать читателю предварительную карту местности, которую мы должны совместно исследовать.

Рассматриваемые в книге случаи позволяют выделить три главных исторических пути для перехода из доиндустриального в современный мир. Первый из них проходит через то, что, на мой взгляд, по праву называется буржуазной революцией. Многим ученым этот термин кажется скомпрометированным марксистскими коннотациями, есть и другие недостатки у его применения. Тем не менее по причинам, объясняемым ниже, я считаю этот термин необходимым для обозначения ряда насильственных преобразований, произошедших в английском, французском и американском обществах в процессе их превращения в современные индустриальные демократии. Эти насильственные преобразования историки связывают с Пуританской революцией (или, как ее часто называют, английской гражданской войной¹), Французской революцией и американской Гражданской войной. Ключевая особенность таких революций — возникновение социальной группы с независимым экономическим фундаментом, бросающей вызов унаследованным из прошлого препятствиям на пути к демократической версии капитализма. Существенным элементом этого движения были торговые и промышленные городские классы, но это далеко не вся история. Союзники этого движения, как и его противники, достаточно резко отличаются в каждом случае. Высшие классы землевладельцев, которые поначалу бу-

¹ В русской историографии принято другое название — Английская буржуазная революция. — *Примеч. ред.*

дут в центре нашего внимания, могли стать важной частью капиталистического и демократического движения, как в Англии, однако, если они оказывали сопротивление, их отбрасывали в сторону конвульсии революции или гражданской войны. То же самое можно сказать о крестьянах. Главное направление их политических устремлений могло совпадать с движением к капитализму и политической демократии, в противном случае интересами крестьян пренебрегали. Так могло произойти, поскольку капиталистический прогресс уничтожал крестьянскую общину, но также поскольку этот прогресс зарождался в новой стране, такой как Соединенные Штаты, где по сути не было крестьянства.

Первый и исторически более ранний путь вел через великие революции и гражданские войны к союзу капитализма и западной демократии. Второй путь был также капиталистическим, однако его кульминацией в XX в. стал фашизм. Два очевидных примера — Германия и Япония (но по причинам, названным выше, в данном исследовании подробно рассматривается только последний случай). Я буду называть это капиталистической и реакционной формой развития, равносильной революции сверху. В этих странах буржуазный порыв был намного более слабым. Если даже он принимал революционную форму, то революция терпела поражение. В итоге сегменты относительно слабого торгово-промышленного класса полагались на поддержку оппозиционно настроенных элементов из старых, все еще господствующих классов, в основном происходящих из сельской местности, для того, чтобы произвести политические и экономические перемены, необходимые для становления современного индустриального общества под контролем квазипарламентского режима. Под такой опекой индустриальное развитие продвигалось быстрыми темпами. Однако исходом этого процесса после краткого и нестабильного периода демократии стал фашизм. Третий путь был, конечно, коммунистический, если судить по России и Китаю. Грандиозные аграрные бюрократии в этих странах еще сильнее, чем в двух предыдущих случаях, мешали коммерческому, а впоследствии и промышленному развитию. Итог был двояким. Прежде всего городские классы были слишком слабы даже для того, чтобы сыграть роль младшего партнера по образцу модернизации в Германии и Японии, хотя попытки в этом направлении предпринимались. Кроме того, в отсутствие сколько-нибудь решительных шагов к модернизации сохранялся огромный слой крестьян. Эта страда, под воздействием новых тягот и лишений, которым подвергал ее современный мир, обеспечила главную разрушительную силу революции, опрокинувшей старый порядок и вытолкнувшей эти страны в современную эпоху под властью коммунистических режимов, чьими жертвами в первую очередь стало крестьянство.

Наконец, в Индии обнаруживается нечто вроде четвертой схемы, объясняющей слабое движение в направлении модернизации. До сих пор в этой стране не было ни капиталистической революции сверху или снизу, ни крестьянской революции, ведущей к коммунистическому правлению. К тому же движение в сторону модернизации было весьма нерешительным. Но некоторые исторические условия для возникновения демократии западного типа здесь оказались выполнены. Уже в течение некоторого времени существует парламентский режим, выполняющий не просто декоративную функцию. Поскольку порыв к модернизации в Индии был совсем слабым, этот случай не укладывается в теоретические схемы, которые можно сконструировать в других случаях. В то же время он служит благотворным испытанием для подобных обобщений. Это особенно полезно для попыток понимания крестьянских революций, поскольку уровень деревенской нищеты в Индии, где крестьянской революции не было, ничуть не выше, чем в Китае, где восстание и революция играли решающую роль как в досовременную, так и в актуальную эпохи.

Если сформулировать цель настоящей работы совсем кратко, то можно сказать, что она представляет собой попытку понять роль высших классов землевладельцев и крестьянства в буржуазных революциях, приведших к капиталистической демократии, в незавершенных буржуазных революциях, приведших к фашизму, и в крестьянских революциях, приведших к коммунизму. То, как высшие классы землевладельцев и крестьянство реагировали на вызов коммерческого сельского хозяйства, оказывалось решающим фактором в определении политического итога. Применимость этих политических ярлыков и элементы, по которым совпадали и различались эти движения в разных странах и в разные эпохи, я надеюсь, станут понятны в ходе последующего изложения. Однако один момент необходимо отметить сразу. Хотя в каждом случае возникает лишь одна доминирующая конфигурация, остается возможность для различения вторичных конфигураций, определяющих ход событий в других странах. Так, в Англии на позднем этапе Французской революции и до конца Наполеоновских войн сохранялись элементы реакционной конфигурации, которая стала господствующей в Германии: речь идет о коалиции между старыми землевладельческими и новыми торгово-промышленными элитами, направленной против низших классов города и деревни (но способной иногда рассчитывать на существенную поддержку со стороны низших классов по ряду вопросов). На самом деле эта реакционная комбинация элементов складывается в какой-то мере в каждом из рассматриваемых обществ, включая Соединенные Штаты. Еще одна иллюстрация: абсолютная монархия во Франции демонстрирует отчасти то же воздействие на коммерческую жизнь, что и

бюрократические монархии царской России и императорского Китая. Наблюдения такого рода внушают несколько большую уверенность в том, что эмпирически найденные категории могут выходить за границы частных случаев.

Тем не менее сохраняется сильное напряжение между необходимостью воздать должное частному случаю и стремлением к обобщениям, в основном из-за невозможности осознать важность отдельной проблемы до завершения рассмотрения каждой из них. Это напряжение повинно в некотором дефиците симметрии и элегантности в предлагаемой работе, о чем мне приходится сожалеть, однако я так и не смог исправить этот недостаток даже после ряда переработок. Опять-таки помогает параллель с исследователем неизведанных стран: его призвание не в том, чтобы построить гладкое прямое шоссе для новой группы путешественников. Он вполне успешно справится с ролью проводника, если избавит их от напрасной траты времени из-за блужданий и ошибок, сопровождавших его первую экспедицию, любезно уклонится от того, чтобы повести своих спутников по самым гиблым местам, и укажет наиболее опасные ямы, осторожно обойдя их стороной. А если он вдруг оступится и попадет в ловушку, то в группе возможно найдутся и те, кто не просто посмеется над ним, но поможет подняться и вновь встать на правильный путь. Именно для такой группы соратников по поискам я и сочинил эту книгу.

* * *

Гарвардский центр русских исследований снабдил меня бесценным даром времени. Я в особенности благодарен нескольким сотрудникам Центра, в период служебной деятельности которых эта книга была написана, за выражение сочувственного любопытства без малейшего следа нетерпения: директорам Уильяму Л. Лангеру, Мерл Файнсон, Абраму Бергсону, заместителю директора Маршаллу Д. Шульману. Мисс Роуз Ди Бенедетто, невзирая на многочисленные помехи, с неисчерпаемым чувством юмора печатала и перепечатывала бесчисленное число страниц рукописи.

На протяжении всей работы мой очень хороший друг профессор Герберт Маркузе поддерживал меня своим уникальным сочетанием мягкого поощрения и проницательной критики. Вероятно, он мне более всего помог именно тогда, когда меньше всего мне верил. Другой хороший друг, покойный профессор Отто Кирххаймер, прочитав рукопись целиком, вывел на поверхность те неявные тезисы, которые я пытался прояснить. На всех этапах работы помощь со стороны Элизабет Кэрол Мур была столь многообразной и необходимой, что только сам автор (и по совместительству муж) способен ее по достоинству оценить. Мы оба

СОЦИАЛЬНЫЕ ИСТОКИ ДИКТАТУРЫ И ДЕМОКРАТИИ

неоднократно и с успехом прибегали к пронизательности и спокойной находчивости сотрудников библиотеки Уайденера, в особенности мистера Фостера М. Палмера и мисс И.Т. Фенг.

Несколько моих коллег с глубоким знанием частных фактов благодаря своим комментариям по отдельным главам спасли меня от ряда глупых ошибок и высказали весьма ценные замечания. Их великодушные уверения в том, что они нашли себе некоторую пищу для ума и дальнейших поисков в рамках своей специальности, стали для меня драгоценной наградой. Но, какое бы предостережение я здесь ни сделал, перечисление их имен создало бы неоправданное впечатление, будто они солидаризуются с моей позицией и в отношении результатов моей книги сложился академический консенсус. По этой причине мои благодарности были принесены приватно. В результате общения с теми, кто здесь не назван по имени, а также с теми, кто назван, я осознал, что понятие сообщества ученых — не просто риторические слова.

Баррингтон Мур-младший

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ
ИСТОКИ
КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ
ДЕМОКРАТИИ

Ч А С Т Ь П Е Р В А Я

І. Англия: значение насилия и градуализм

1. РОЛЬ АРИСТОКРАТИИ ПРИ ПЕРЕХОДЕ К КАПИТАЛИЗМУ В АГГРАРНОМ ОБЩЕСТВЕ

Начиная изучение эпохи, в которую произошел переход от доиндустриального к современному миру, с рассмотрения событий в первой из стран, совершивших его, почти неизбежно задаешься вопросом: почему процесс индустриализации в Англии привел к установлению сравнительно свободного общества? Вполне очевидно, что уже в течение долгого времени современная Англия была таким обществом. Причем в таких важнейших областях, как свобода слова и терпимость к организованной политической оппозиции, возможно, обществом даже более либеральным, чем Соединенные Штаты. Также в этой толерантности со стороны господствующих классов очевиден аристократический компонент. Перечисление всех основных причин возникновения данной ситуации выходит за рамки нашей задачи, даже если эти причины — мы их не рассматриваем, чтобы сохранить нужную перспективу — невозможно не учитывать. В этой главе в центре внимания будет та особая и значительная роль, которую сыграли в переходе к индустриальному обществу классы аграрного общества.

Акцент на судьбах дворянства и крестьянства, а также на многочисленных промежуточных сословиях, бывших отличительной чертой английского общества, продиктован общим планом этой книги и вопроса-ми, с которых она начинается. Тем не менее вследствие изучения фактов намечается еще одно направление исследования. Не нужно глубоко погружаться в английскую историю или придерживаться большего скептицизма, чем рекомендовано в стандартных руководствах по научному методу, чтобы осознать наличие определенной доли мифологии в распространенных представлениях о выдающейся способности британцев урегулировать свои политические и экономические различия путем мирных, честных и демократических процессов. Подобные представления скорее полуправда, чем миф. Простое развенчание мифа не проясняет дела. Историографическая традиция, утверждающая, что английская индустриализация начинается в некий момент после 1750 г., укрепляет этот миф, поскольку она подчеркивает спокойное течение британской истории, мирный характер которой составляет разительный контраст с французскими событиями XVIII–XIX вв., и отодвигает в тень собы-

тия эпохи Пуританской революции (или гражданской войны)¹. Если обратить внимание на этот факт, то нельзя не задаться вопросом о связи между насильственными преобразованиями и мирной реформой, как в современной демократии, так и в более широком смысле — вообще при переходе от обществ, основанных на сельском хозяйстве, к обществам, основанным на современных промышленных технологиях.

Начало социальных конфликтов, которые переросли в английскую гражданскую войну XVII в., было положено сложным процессом изменений, возникшим за несколько веков до этого. Нельзя точно сказать, когда именно этот процесс начался, как и нельзя доказать, что он принял форму гражданской войны. Тем не менее характер его достаточно ясен. Секулярное общество современного типа постепенно прокладывало себе путь через мощные и довольно запутанные заросли феодального и церковного порядка². Более конкретно, начиная с XIV в. проявляется ряд особенностей, указывающих на усиление роли торговли, как в деревне, так и в городе, на демонтаж феодального строя, заменяемого на относительно мягкую английскую версию абсолютной монархии. Причем все это происходит в условиях нарастающего ожесточения религиозных споров, бывших отчасти отражением, а отчасти и причиной тех страхов и страстей, которые неизбежно сопровождают закат старой цивилизации и возникновение новой.

Торговля шерстью была издавна известна в Англии, и в конце Средних веков страна стала самым крупным и важным поставщиком высококачественной шерсти [Power, 1941, p. 16]. Влияние торговли шерстью ощущалось не только в городах, но также и в деревне, и даже, пожалуй, особенно в деревне, ну и, конечно, в политике. Поскольку рынки сбыта английской шерсти располагались на континенте, в частности в Италии и в исторических Нидерландах, то для того, чтобы обнаружить исток того сильного коммерческого движения, которое в конечном счете стало господствующим в английском обществе, необходимо принять во вни-

¹ «Политические реформы, которые, начиная с Парламентского акта 1832 года, установили в Великобритании полноценную демократию, произошли в XIX — начале XX в. Но эти меры были успешными из-за постепенной эволюции конституционных и парламентских институций за столетия до 1832 года» (курсив мой. — Б. М.; [Schweinitz, 1964, p. 6]). В другом месте автор осмотрительно аргументирует (и я согласен с этим тезисом), что капиталистическое и демократическое решение проблем модернизации невозможно воспроизвести [Ibid., p. 10–11].

² Феодализм по-разному определяется специалистами по истории общества, экономики, права и конституции, причем различные аспекты менялись с различной скоростью. Полезную дискуссию см.: [Sam, 1940, p. 216].

I. АНГЛИЯ: ЗНАЧЕНИЕ НАСИЛИЯ И ГРАДУАЛИЗМ

мание рост местных торговых городов. Подробный анализ вынудил бы нас далеко отклониться в сторону, поэтому для наших целей в качестве исходного факта придется просто признать существенную роль этого обстоятельства. Сыграли свою роль и другие важные факторы. «Черная смерть» 1348–1349 г. значительно сократила население Англии и, соответственно, доступную рабочую силу. Чуть позже вместе с движением лоллардов раздалась первая грозная раскаты религиозного восстания, после чего в 1381 г. вспыхнул мощный крестьянский бунт. Ниже у нас еще будет повод для рассмотрения хода и значения этих волнений среди низших классов.

Пока же мы сконцентрируем свое внимание на классах высших. Во второй половине XIV в. и большую часть XV в. в их положении происходили важные изменения. Земля и те отношения, которые были основаны на землевладении, утрачивали функцию звена, соединявшего вместе помещика и крестьянина. Король долгое время с переменным успехом пытался воспользоваться этим обстоятельством для усиления своей власти, при том что прочие черты феодализма продолжали действовать. Отрезанный от своих корней, от связи с землей, феодализм превратился в паразита, черпающего силу в маневрах могущественных магнатов и ответных шагах монарха [Cam, 1940, p. 218, 225, 232].

Война Алой и Белой розы (1455–1485 гг.) обернулась для землевладельческой аристократии скорее социальной, чем природной катастрофой, — кровопусканием, серьезно ослабившим знать и давшим шанс династии Тюдоров, возникшей в результате этой борьбы, чтобы с еще большим успехом способствовать консолидации королевской власти. При Генрихе VIII политические и религиозные соображения могли дать дополнительный стимул для зарождения коммерческого сельского хозяйства. Один марксистский историк предположил, что произведенная Генрихом VIII в 1536 и 1539 гг. конфискация монастырей привела к появлению новых, коммерчески ориентированных землевладельцев вместо старой аристократии с ее «центробежными» умонастроениями [Hill, 1958, p. 34–35]. Впрочем, более вероятно, что главное значение правления Генриха VIII состояло в ущербе, нанесенном одному из столпов прежнего порядка — церкви, и в поданном им примере, о чем пришлось пожалеть его наследникам. Уже возникли глубинные волнения, не нуждавшиеся в санкции королевской власти, постепенно начавшей их рассматривать как угрозу сложившемуся порядку.

Мир, воцарившийся при Тюдорах, а также неуклонный рост торговли шерстью создали мощный стимул для развития коммерческого и даже капиталистического мироощущения в сельском обществе. Непревзойденное исследование Ричарда Генри Тони об экономической жизни Англии в канун гражданской войны, наряду с другими работами,

СОЦИАЛЬНЫЕ ИСТОКИ ДИКТАТУРЫ И ДЕМОКРАТИИ

показывает, как еще задолго до военных сражений эти силы уничтожили феодальную структуру:

В бурном XV в. земля помимо экономической ценности имела еще военное и социальное значение; лорды выступали во главе своих слуг, чтобы с помощью стрел и копий приструнить негодного соседа; в этом случае количество арендаторов ценилось выше, чем денежные доходы с земли. Тюдоровский закон строго запрещал обычай «Ливреи и поддержки»; административные органы и неутомимая бюрократия сурово пресекали частные войны, и, обезвредив феодализм, он сделал контроль над финансами важнее контроля над людьми... [Это изменение...] отмечает переход от средневекового понимания земли как основы политических функций и обязательств к современному взгляду на землю как источнику доходов инвестора. Одним словом, землевладение постепенно стало коммерческим [Tawney, 1912, p. 188–189]³.

Внутриполитический мир и производство шерсти должны были сочетаться определенным образом, чтобы стать опорой для одной из главных сил, двигавших Англию в направлении капитализма и революции,

³ См. также: [Hexter, 1961, p. 144–145], где тот же факт помещен в контекст критики чрезмерного внимания Тони к экономическим факторам. (Краткий современный обзор территории, рассматриваемой Тони, см.: [Thirsk, 1959]. Акцентируя разнообразие географических и социальных обстоятельств огораживаний, автор приходит к тем же общим выводам [Ibid., p. 19–21].) Тони также добросовестно проводит подобные различия. Однако Джоан Тирск считает естественный прирост населения одним из более значительных факторов [Ibid., p. 9]. Эрик Керридж приводит убедительные причины для сомнения в статистических данных по огораживанию [Kerridge, 1955, p. 212–228]. Его главный аргумент состоит в том, что многие из обвиненных в огораживании были впоследствии оправданы, поэтому статистические данные преувеличены. В условиях преобладающего политического влияния тех, кто занимался огораживанием даже в эпоху Тюдоров, в этом факте нет ничего удивительного. Хотя имеющиеся цифры нельзя принимать всерьез, ясно, что сама проблема была серьезной в важнейших регионах Англии. Ссылки на Тони и Керриджа отсутствуют в кратком библиографическом обзоре в конце книги Тирска.

Спустя полвека после Тони современные исследователи по-прежнему подчеркивают связь между торговлей шерстью и аграрными изменениями. Однако примерно к середине XVI в. стимул для перехода с зерна на шерсть ослабел, земли стало не хватать, рабочей силы было много, а цены на зерно резко выросли. Хотя характер торговли шерстью изменился, динамика цен с 1450 по 1650 г. была резко восходящей, за исключением временных флуктуаций. (См.: [Bowden, 1962, p. xviii, 6 (table 219–220)].)

1. АНГЛИЯ: ЗНАЧЕНИЕ НАСИЛИЯ И ГРАДУАЛИЗМ

которая в итоге сделала капитализм демократическим. В других странах, прежде всего в России и в Китае, сильные правители сумели распространить свою власть на обширные территории. Тот факт, что в Англии успех королей был весьма ограничен, внес весомый вклад в будущий триумф парламентской демократии. Ведь между самой по себе торговлей шерстью и демократией нет никакой необходимой связи. В Испании той же эпохи результат развития овцеводства был прямо противоположный, поскольку кочующие стада и их владельцы были превращены в инструмент, который использовала централизованная монархия для борьбы с локальными центробежными тенденциями. Что, таким образом, способствовало воцарению отупляющего королевского абсолютизма⁴. Разгадка английской ситуации в том, что торговая жизнь и в городе, и в деревне в XVI–XVII вв. по причинам, разъясняемым ниже, развивалась в основном (хотя и не полностью) в оппозиции по отношению к короне.

Под давлением обстоятельств средневековое представление, согласно которому об экономических действиях следует судить в соответствии с их вкладом в здоровье социального организма, стало разрушаться. Аграрную проблему больше не трактовали как вопрос о наилучшем способе обеспечения людей на земле, а начали воспринимать как вопрос о наилучшем способе вложения капитала в землю. Земля стала предметом купли и продажи, правильного и неправильного использования, т.е. современной капиталистической частной собственностью. Конечно, при феодализме также существовала частная собственность на землю. Но во всех странах мира, где был феодализм, землевладение непременно обременялось и ограничивалось целым набором обязательств по отношению к другим людям. То, каким образом эти обязательства исчезали, и кто в итоге выигрывал или проигрывал от этой перемены, для каждой страны, знакомой с феодализмом, стало решающей политической проблемой. В Англии эта проблема проявила себя очень рано. Задолго до Адама Смита обособленные группы англичан, проживавших в сельской местности, начали признавать личный интерес и экономическую свободу в качестве естественного основания человеческого общества⁵. Ввиду

⁴ Такой вывод делается в работе: [Klein, 1920, p. 351–357].

⁵ [Lipson, 1956, vol. II, p. lxvii–lxviii]. Хекстер вульгаризирует и искажает предложенный Тони анализ этой тенденции, утверждая, будто тот пытается втиснуть Пуританскую революцию в предопределенную идеологическую концепцию неизбежного наступления буржуазной революции, изобретая «легенду, что прибытие горожан в сельскую местность разрушило старую патриархальную экономику деревни и заменило ее жесткой и безжалостной буржуазной коммерцией» [Hexter, 1961, p. 94–95]. Это просто неверно. В анализе Тони подчеркивается более или менее спонтанный ха-

широко распространенного убеждения, что экономический индивидуализм распространялся главным образом в среде буржуазии, стоит заметить, что в Англии еще до гражданской войны землевладельцы, огораживавшие пастбища, были ничуть не менее благодарной аудиторией для этих революционных учений.

Одним из самых поразительных проявлений мировоззренческих подвижек стал полувековой бум на земельном рынке, начавшийся около 1580 г. Ежегодная арендная плата выросла до трети от той цены, за которую еще несколько десятилетий назад можно было купить поместье [Hexter, 1961, p. 133]. Подобный бум был совершенно невозможен без фундаментальных структурных изменений в самом сельском хозяйстве, и его можно рассматривать как результат этих изменений.

Самое важное среди них — огораживания. Само по себе это слово имеет множество значений, описывающих самые разные вещи, происходившие в это время, о сравнительной важности которых нет полного представления. В течение XVI в. наибольшее значение имели «производимые помещиками или их крестьянами захваты земли, общее право на которую имело население поместья или которая была частью открытой пахотной земли» [Tawney, 1912, p. 150]⁶. Помещики, движимые перспективой получения доходов либо от продажи шерсти, либо от сдачи земли в аренду тем, кто занимался продажей шерсти, поднимали соответственно арендную ставку и находили множество как законных, так и полузаконных способов отчуждения у крестьян их права на возделывание открытых полей и права на пользование общей землей для выпаса скота, сбора хвороста для обогрева и т.п. Несмотря на то что реаль-

актер адаптации высших классов землевладельцев к новой ситуации, созданной возросшей значимостью торговли, чей главный центр развития он усматривает в городах [Tawney, 1912, p. 408]. Это не имеет никакого отношения к простой миграции в деревню горожан, вооруженных новыми идеями. В подтверждение своих построений Хекстер цитирует работу Тони (p. 177–200), с щедростью обобщая точную референцию замечанием «passim», и статью Тони «Появление джентри» [Tawney, 1954]. (Подлинную позицию Тони см.: [Ibid., p. 184–186].) На самой первой странице при цитировании Хекстера Тони предложил одно из самых красноречивых предостережений против идеологической детерминистской истории, которое мне когда-либо приходилось видеть. В его длинных пассажах могут встречаться отдельные высказывания, упоминающие о покупке горожанами поместий и их фермерстве на коммерческой основе, однако это не суть его аргумента [Tawney, 1912, p. 177].

⁶ В английском языке слово «фермер» обычно обозначает фермера-арендатора либо того, кто арендует и обрабатывает участок земли с помощью или без помощи наемной рабочей силы в зависимости от наличного капитала. В редких случаях слово «фермер» относится к собственнику земли. (См.: The Shorter Oxford English Dictionary, s.v. «farmer».)

I. АНГЛИЯ: ЗНАЧЕНИЕ НАСИЛИЯ И ГРАДУАЛИЗМ

ная площадь земель, попавших под огораживания, была, по-видимому, невелика — менее одной двадцатой всей площади в тех графствах, где шире всего практиковалось огораживание, — этот факт, если это действительно факт, не означает, что ситуация в этих районах не обострилась. По замечанию Тони, подобным методом можно показать, что перенаселенность городов не имела значения для Англии, поскольку частное, полученное в результате деления общей площади страны на число ее жителей, составляло примерно один с половиной акр на человека. «С точки зрения статистики нет различия между тем, когда из пятидесяти поместий уходит по одному арендатору и когда из одного поместья выгоняют пятьдесят арендаторов», однако социальные последствия в этих случаях совершенно разные. В конце концов, у политической и социальной нестабильности, свойственной этой эпохе, должно было быть реальное основание. «Правительство вряд ли станет по легкомыслию провоцировать могущественные классы, а большие группы людей вряд ли поднимут бунт, по ошибке приняв вспаханное поле за пастбище для овец» [Tawney, 1912, p. 224, 264–265].

Очевидно, значительные площади земли, раньше подчинявшейся обычным правилам с определенными методами культивации, превратились в землю, использовавшуюся по усмотрению отдельного человека. В то же время коммерциализация сельского хозяйства означала переход от феодального сеньора, который был в худшем случае незаконным тираном, а в лучшем случае — деспотичным отцом, к господину, который был ближе к проницательному дельцу, эксплуатирующему материальные ресурсы поместья с расчетом на прибыль и эффективность [Ibid., p. 191–193, 217]. Такой образ действий не был совершенной новостью в XVI в. Но он и не имел еще такого размаха, как после гражданской войны, в течение XVIII в. и начале XIX в. Он не был характерен лишь для высших классов землевладельцев, будучи распространенным также среди преуспевающих крестьян.

Это были йомены — класс, сверху ограниченный малочисленным классом джентри, а снизу — менее преуспевающими крестьянами [Campbell, 1960, p. 23–27]. Хотя отнюдь не все йомены были свободными землевладельцами или пользовались тогдашними правами на частную земельную собственность, они быстро двигались в этом направлении, стряхивая с себя остатки феодальных повинностей [Ibid., ch. 4]. Экономически йомены были «группой амбициозных и агрессивных мелких капиталистов, понимавших, что у них недостаточно прибыли, чтобы принимать на себя большие риски, помнивших, что выгода так же часто заключается в экономике, как и в инвестициях, но решительно настроенных на извлечение максимума из каждой возможности, независимо от ее происхождения, ради увеличения дохода» [Ibid., p. 104]. Размер их земельных владений

составлял от 25 до 200 акров пахотной земли, не считая в 5–6 раз большего участка для выпаса скота. Хотя крупные овцеводы, конечно, работали с пониженной себестоимостью и сбывали шерсть с большей прибылью, разведением овец занимались многие йомены и даже еще менее состоятельные крестьяне [Campbell, 1960, p. 102, 107–203; Bowden, 1962, p. xv, 2]. Кроме того, важным источником дохода для сословия йоменов было выращивание зерна, которое пользовалось большим спросом. Те, кто жил неподалеку от Лондона и процветающих городов, а также те, у кого был доступ к водному транспорту, имели огромные преимущества перед прочими [Campbell, 1960, p. 179, 184, 192].

Йомены были главной силой крестьянских огораживаний. Эти огораживания, направленные на пахотную землю, весьма отличались от огораживаний, которые производились овцеводами, состоявшими на службе у помещиков. В основном они носили форму захватов небольших участков пустошей и общинной земли, нередко во владениях соседей и даже помещиков, не отстаивавших строго соблюдение своих прав. В иные времена крестьянские огораживания регулировались взаимными соглашениями, заключавшимися для консолидации земельных наделов и для устранения чересполосной системы в открытом поле. Находясь в такой ситуации, йомены были готовы расстаться с традиционными аграрными нормами и опробовать новые технологии в расчете на прибыль [Campbell, 1960, p. 87–91, 170, 173; Tawney, 1912, p. 161–166].

Йоменов XVI в. можно сравнить с русскими кулаками конца XIX в. и даже послереволюционной поры. Однако в отличие от последних йомены жили в условиях гораздо более благоприятных для частного предпринимательства. В целом йомены — герои английской истории, а кулаки — отрицательные персонажи русской, как в глазах консерваторов, так и социалистов. И этот контраст говорит очень многое об этих двух обществах и двух соответствующих путях перехода в современный мир.

Те, кто способствовали распространению аграрного капитализма и оказались главными победителями в борьбе против старого режима, происходили из сословия йоменов, но в еще большей мере из высших классов землевладельцев. Основными жертвами прогресса, как обычно, стали простые крестьяне. Так случилось не потому, что английские крестьяне были в особенности упрямы и консервативны, из чистого невежества и по глупости, как казалось их современникам, цепляясь за обычаи эпохи, предшествовавшей капитализму и индивидуализму. Верность старым привычкам, несомненно, сыграла свою роль; однако в этом случае, как и во многих других, рассматриваемых в данном исследовании, необходимо поставить вопрос, почему эти старые привычки сохранялись. Причину увидеть достаточно легко. В средневековой аграрной системе Англии, как и во многих других странах мира, каждое крестьянское владение состояло из нескольких узких полосок земли, беспорядочно рас-

положенных среди наделов других крестьян в неогороженном, открытом поле. Поскольку после жатвы на полях пасли скот, все крестьяне, имевшие надел на одном поле, должны были собирать урожай в одно время, поэтому все работы в аграрном цикле нужно было согласовывать внутри общины. В этих условиях сохранялся определенный простор для частной инициативы⁷, но в основном требовалась кооперация, которая быстро превращалась в обычай, поскольку так проще всего было вести дела. Сезонная реорганизация пользования полосками земли иногда случалась, но была слишком хлопотной. Заинтересованность крестьян в общинной земле, которая служила дополнительным источником корма для скота и возможностью для сбора хвороста, очевидна. В целом английские крестьяне добились для себя сравнительно выгодного положения в рамках манориальных обычаев, и поэтому неудивительно, что они надеялись на защиту обычая и традиции как на дамбу, которая уберезет их от надвигающегося капиталистического потока, едва ли сулившего им какую-то прибыль [Tawney, 1912, p. 126, 128, 130–132].

Но несмотря на помощь, периодически оказываемую ей со стороны монархии, эта дамба начала разрушаться. Или, если выразаться языком той эпохи, «овцы съели людей». Крестьян вытесняли с земли; как отдельные полоски пашни, так и общинная земля превращались в пастбища. Один пастух справлялся с целым стадом, которое паслось на участке земли, прежде кормившем многих людей [Ibid., p. 232, 237, 240–241, 257]. Точно оценить эти перемены не представляется возможным, но нет сомнения в их серьезности. И все же, как хладнокровно замечает Тони, течи, пробившие эту дамбу в XVI в., были всего лишь тонкими струйками по сравнению с потоком, хлынувшим после ее разрушения в ходе гражданской войны.

Итак, в Англии главными поборниками того, что в итоге стало секулярным обществом современного типа, в то время были прежде всего сельские и городские предприниматели. В отличие от того, что происходило во Франции, эти люди добивались успеха самостоятельно, без патерналистской опеки со стороны короля. Разумеется, многие из них были рады работать с королевским двором, ведь в этом случае было чем поживиться. Но особенно в канун гражданской войны состоятельные горожане выступили против королевских монополий, которые, даже не ограничивая производство, являлись помехой для реализации их личных амбиций⁸. При Елизавете I и при двух первых Стюартах корона приложила некоторые усилия, чтобы смягчить воздействие этих тенденций

⁷ Ср. [Campbell, 1960, p. 176–178], где цитируется исследование Фасселла (G.E. Fussell) о ранних методах ведения фермерского хозяйства.

⁸ Для сравнения с Францией см.: [Nef, 1957]. Об атаке на привилегированные компании см. также: [Lipson, 1956, vol. 2, p. lviii–lix].

на крестьян и беднейшие городские классы. Масса крестьян, вытесненных на обочину жизни, была угрозой для общественного порядка, что приводило к стихийным восстаниям⁹. Один добросовестный историк определяет королевскую политику как «судорожную благожелательность». Во время одиннадцатилетней тирании Карла I, когда король правил без парламента через Страффорда и Лода, стремление к показной благожелательности могло быть еще более энергичным. Королевские суды, Звездная палата и Долговой суд, защищали крестьянина от выселения в случае огораживания¹⁰.

При этом корона была не прочь обогатиться за счет штрафов, взыскивавшихся в ходе реализации этой политики. Решительное исполнение закона оставалось для нее в любом случае недостижимым. В отличие от французской монархии, английская королевская власть не смогла выстроить эффективный административный и юридический механизм, который стал бы проводником ее воли в провинции. В сельской местности порядок поддерживали в основном представители сословия джентри, те самые, против кого и были направлены оградительные меры королевской власти. В итоге главным результатом королевской политики стал рост враждебности к короне со стороны тех, кто, имея общественно полезный образ мысли, отстаивал право распоряжаться своей собственностью по своему усмотрению. Королевская политика неизбежно сплачивала ориентированные на коммерцию группы в городе и деревне, и без того уже объединенные различными интересами в откровенную оппозицию к короне¹¹. В аграрном секторе политика Стюартов потерпела явную неудачу и приблизила гражданскую войну, т.е. конфликт

⁹ Крестьянские восстания недостаточно хорошо изучены. Тони, возможно, преувеличивает их связь с огораживаниями. Наилучший материал, доступный мне, был в книге: [Семенов, 1949, с. 277, 284, 287–291, 300–304, 307, 309, 321, 324, 327, 349]. Основное содержание этого материала, ограниченного XVI в., в следующем. Было три главных восстания, в которых принимали участие крестьяне: 1) Благодатное паломничество 1536–1537 гг., в основном феодальное и антироялистское движение, в котором крестьяне участвовали наряду со своими лордами; 2) Девоншир и Корнуолл в 1549 г., экономически отсталая область; и 3) в районе Норфолка в том же году, где связь с огораживаниями подтверждается. Тревор-Роупер характеризует крестьянский бунт в центральных графствах в 1607 г. как «последнее чисто крестьянское восстание в Англии», там же встречаются термины «лелелеры» и «диггеры» [Trevor-Roper, 1953, p. 40]. Это восстание также было направлено против огораживаний.

¹⁰ См.: [Lipson, 1956, vol. 2, p. lxx, 404–405; James, 1930, p. 79, 241–243].

¹¹ См. превосходный анализ в: [Manning, 1965, p. 247–269, 252, 263]. (Здесь и далее курсивом указаны страницы, на которые автор обращает особое внимание. — *Примеч. ред.*)

«между правами частных лиц и королевской властью, последней опорой которой считалась религиозная санкция» [James, 1930, p. 80]. К этому моменту стало уже достаточно ясно, чьи именно права были ставкой в этом конфликте: совершенно точно это не были права крестьянских масс, составлявших бóльшую часть населения Англии.

2. АГРАРНЫЕ АСПЕКТЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

На этом фоне нет поводов усомниться в тезисе, что ориентированные на коммерцию слои высших классов землевладельцев и в меньшей степени йоменов были главными силами оппозиции, выступившей против короля и его попыток сохранить старый порядок, а тем самым — важной, пусть и не единственной, причиной гражданской войны. Развитие городской торговли в XVI–XVII вв. создало в английской деревне рынок сельскохозяйственной продукции, что привело к постепенной коммерциализации и капитализации хозяйства в деревне. Влияние коммерческих интересов мало-помалу создало новую ситуацию, к которой разные группы внутри каждого из аграрных классов, пусть даже ни одна из них не была четко отделена от других сельских и городских групп, сумели приспособиться по-разному и с разной мерой успеха. Титулованным аристократам, привыкшим к показной роскоши и дорожащим связями при дворе, за редкими исключениями не удалось справиться с переменами [Tawney, 1954, p. 181]¹². Главной сельской группой, предприимчивые члены которой успешно адаптировались к новым условиям, было большое и несколько разобщенное сословие, чье социальное положение было ниже пэров, но выше йоменов, т.е. — джентри. Но их успех не вполне зависел от сельскохозяйственной деятельности. Те из джентри, кто заглядывали в будущее, имели разнообразные личные и деловые связи с высшими городскими слоями, т.е. с буржуазией в общепризнанном и более узком смысле этого слова [Ibid., p. 176, 187–188]. Из сословия джентри впоследствии вышли основные представители того решающего исторического направления, которое изменило структуру английского сельского общества. В смысле различия в типах экономики, социальной структуры и соответствующих умонастроений между джентри и землевладельческой аристократией происходила «борьба между экономикami разного типа, сильнее согласовавшимися с региональными особенностями, чем с социальными подразделениями. Многие джентри оставались бездеятельными или разорялись. Нетрудно было указать знатных землевла-

¹² См. весьма подробное исследование по этому вопросу, вышедшее тогда, когда данная книга была уже в печати: [Stone, 1965, ch. 4, p. 163]. Автор приходит к выводу, что доля пэров в быстро растущем благосостоянии Англии резко пошла на убыль и именно эта перемена в относительном, а не в абсолютном финансовом положении оказалась значимой.

дельцев, которые шли в ногу со временем и заработали большую часть своего состояния» [Tawney, 1954, p. 186]¹³. «Бездеятельными» были, очевидно, менее предприимчивые джентри, не преуспевшие в улучшении своей экономической ситуации в деревне и лишённые полезных деловых или административных связей в городе. Эти «ворчуны и брюзги» могли примкнуть к радикальной группе, стоявшей за Кромвелем и Пуританской революцией, хотя главную опору это движение находило в более низких социальных группах¹⁴. Итак, под воздействием торговли и зачатков индустриализации английское общество оказалось распоротым сверху донизу таким образом, что вспышки радикального недовольства, порожденные теми же силами, смогли временно вырваться на первый план. Как мы увидим далее, аналогичная цепь событий отчасти характерна и для других важнейших революций Нового времени — во Франции, России и Китае. В этом процессе, поскольку прежний порядок разрушался, слои общества, остававшиеся в проигрыше вследствие долговременных экономических тенденций, выступали вперед и делали большую часть «грязной работы» по свержению старого режима, расчищая таким образом дорогу для новых институций.

В Англии основной грязной работой этого рода стал символический акт казни Карла I. Основное требование устроить суд над королем исходило от армии, в которой были весьма сильны народные настроения, происходящие из слоя социально более низкого, чем джентри, вполне вероятно, из городских ремесленников и крестьян [Firth, 1962, p. 346–360]. К моменту казни Кромвелю и его офицерам уже удалось обуздать эти настроения. Смертный приговор пришлось протаскивать через парламент буквально под дулами мушкетов. И даже в этом случае многие члены парламента (49 человек) отказались осудить короля; 59 человек

¹³ Достижение Тони состоит в осознании значимости и привлечении внимания к структурным изменениям в английском обществе, хотя статистический фундамент его аргументации является, вероятно, ее наиболее слабой частью. Он, возможно, преувеличил количество титулованных аристократов, которые не справлялись с новой ситуацией, и количество джентри, которые извлекали выгоду из нее. Критику статистических методов Тони см.: [Cooper, 1956, p. 377–389], а также приложение об интерпретации статистической информации.

¹⁴ См.: [Trevor-Roper, 1953, p. 8, 16, 24, 26, 31, 34, 38, 40, 42, 51]. Хотя аргументация Тревоора-Роупера не безупречна, он представил множество подтверждений существенного влияния «простых джентри» в армиях Кромвеля. Вариант позиции Тревоора-Роупера см.: [Yule, 1958, p. 48–50, 52, 56, 61, 65, 79, 81], особенно p. 80, где автор соглашается с тем, что представителей джентри было меньше среди армейских офицеров-индепендентов. Резкую критику тезиса Тревоора-Роупера см.: [Zagorin, 1959, p. 381, 383, 385, 387].

I. АНГЛИЯ: ЗНАЧЕНИЕ НАСИЛИЯ И ГРАДУАЛИЗМ

подписали смертный приговор. Среди последних заметно преобладание обедневших джентри, а среди первых — более состоятельных джентри. Но эти две группы имеют существенные пересечения; механический социологический анализ не позволяет точно определить политические настроения той поры (см. табл.: [Yule, 1958, p. 129]). Вероятно, конституционная монархия могла бы возникнуть и по иному сценарию. Но судьба Карла I стала зловещим уроком для будущего. Ни один последующий английский король не посмел всерьез добиваться абсолютной монархии. Стремление Кромвеля установить диктатуру кажется просто отчаянной и безуспешной попыткой задним числом восполнить нанесенный ущерб и совершенно не сравнимо с полудиктаторской фазой Французской революции, все еще озабоченной уничтожением ancien régime. Крестьянство и городской плебс, выполнившие грязную работу в других революциях, не проявили себя во время английской гражданской войны, за исключением ряда кратковременных и важных символических актов.

Существовало множество связей, объединявших модернизаторов с традиционалистами в одном и том же социальном слое, — среди прочего общий страх перед низшими сословиями, «подлым людом». Наличие подобных связей помогает объяснить, почему классовые предпочтения во время революции оставались не совсем ясными. Карл I сделал все возможное, чтобы угодить джентри. Есть свидетельства, что в значительной мере ему это удалось¹⁵. Несмотря на борьбу Стюартов против огораживаний, поддержка короля со стороны многих богатых джентри вряд ли вызывает удивление. Трудно ожидать, что состоятельные люди с легким сердцем выступят против одного из двух главных столпов социального порядка — против короля или церкви. В конечном счете, джентри приветствовали восстановление этих институций в измененной форме, более подходившей их требованиям. Такое же двусмысленное отношение к тем особенностям старого порядка, которые поддерживали права собственности, проявилось и в других великих революциях, последовавших за Пуританской революцией, а также во время американской Гражданской войны. И в то же время политическая цель лидеров восстания была ясной и открытой. Они боролись против вмешательства короля и радикалов низших сословий в права собственности землевладельцев. В июле 1641 г. Долгий парламент упразднил Звездную палату, главное оружие короля в борьбе против землевладельцев-огораживателей, а также главный символ произвола королевской власти. Опасность радикальных настроений внутри армии, со стороны левеллеров и диггеров,

¹⁵ Подборку релевантных свидетельств см.: [Zagorin, 1959, p. 390; Hardacre, 1956, p. 5–6].

была устранена Кромвелем и его соратниками с твердостью и мастерством [James, 1930, p. 117–128].

Другие факторы также повлияли на то, что Пуританская революция так и не переросла в откровенную борьбу между высшими и низшими слоями общества. Конфликт затрагивал комплекс экономических, религиозных и конституциональных проблем. Пока еще недостаточно сведений для окончательного прояснения того, в какой мере эти три проблемы пересекались: социальный базис пуританизма все еще ждет своего анализа. Но есть указания, что суждение по этим вопросам формировалось в различные моменты времени. По мере развития драматических событий революции люди сталкивались с явлениями, которые были им неподконтрольны и последствия которых невозможно было предвидеть. Одним словом, когда процесс революционной поляризации обострился и пошел на убыль, многие как наверху, так и внизу ощущали себя в невыносимо мучительном положении и лишь с большим трудом могли прийти к какому-либо решению. Личные обязательства могли вынуждать людей вступать в противоречие с теми принципами, которые человек недостаточно четко осознавал, и наоборот.

В экономической жизни гражданская война не привела к массовому переходу земельной собственности от одной группы или класса к другой. (На этот счет Тони скорее всего ошибается.) Последствия для землевладения были, вероятно, даже меньше, чем после Французской революции, в отношении которой современные исследования подтвердили тезис Токвиля о том, что рост класса крестьян-собственников предшествовал революции и поэтому не был следствием продажи собственности эмигрантов. В Англии сторонники парламента испытывали хроническую нехватку денег и финансировали войну либо с помощью перехвата денежных операций в имениях роялистов, либо путем прямых конфискаций. Со временем агенты роялистов сумели вернуть поместья в собственность, внося таким образом свой вклад в финансирование своих врагов. Еще большее число поместий было возвращено впоследствии. В одном из исследований таких трансакций в юго-восточной Англии, которое, по мнению автора, применимо также к более широкому контексту, показано, что более чем для трех четвертей владений, проданных в эпоху Содружества, обнаруживаются их собственники в эпоху Реставрации. Около четверти этих владений были возвращены прежним хозяевам до 1660 г. Похоже, покупатели королевских и церковных земель не смогли удержать эти приобретения после Реставрации, впрочем, автор исследования не приводит статистических данных по этому вопросу [Thirsk, 1954, p. 323, 326–327].

Но это свидетельство нельзя толковать в пользу того, что Пуританская революция вообще не была революцией. Ее достижения в сфере право-

I. Англия: значение насилия и градуализм

вых и социальных отношений были серьезными и продолжительными. После упразднения Звездной палаты крестьяне потеряли главную защиту против распространения огораживаний. При Кромвеле и особенно на позднейшем этапе правления генерал-майоров были сделаны некоторые попытки воспрепятствовать этим последствиям. Но это стало последним усилием такого рода [James, 1930, p. 118, 120, 122, 124]. Хотя можно сомневаться в социальной характеристике представителей джентри, поддерживавших революцию, понятно, кто выиграл больше других. «После Реставрации у огораживателей были развязаны руки», хотя полностью итоги стали ощутимы лишь через некоторое время [Ibid., p. 343]. Ослабив власть короля, гражданская война устранила главную помеху для землевладельцев-огораживателей и одновременно подготовила Англию к правлению «комитета землевладельцев», как достаточно точно, пусть и неместно, называли парламент XVIII в.

Критика тезиса, что гражданская война была буржуазной революцией, оправданна, поскольку конфликт не привел к передаче политической власти буржуазии. Высшие классы в сельской местности по-прежнему жестко контролировали политический аппарат, причем, как показано ниже, не только в течение всего XVIII в., но даже после Парламентского акта 1832 г. Однако стоит взглянуть на реалии социальной жизни, как тезис становится тривиальным. Влияние капитализма значительно распространилось и изменило сельскую жизнь задолго до гражданской войны. Отношения между землевладельцами-огораживателями и буржуазией были настолько близкими и тесными, что нередко сложно решить, где начинаются и заканчиваются разветвленные семейные связи того времени. Исходом борьбы был грандиозный, хотя и не окончательный, успех союза между парламентской демократией и капитализмом. Как заметил по этому поводу один современный историк, «аристократический порядок сохранил себя, но в новой форме, его основанием теперь стали скорее деньги, а не происхождение. Сам парламент превратился в инструмент помещиков-капиталистов, вигов и тори, их родственников и союзников, чьи интересы отныне неизменно отстаивало государство» [Zagorin, 1959, p. 681].

Чтобы оценить размах воздействия гражданской войны, нужно отвлечься от деталей и взглянуть на историческую перспективу. Декларативный принцип капиталистического общества состоит в том, что свободное использование частной собственности для личного обогащения благодаря рыночному механизму ведет к неуклонному росту богатства и благополучия во всем обществе. Этот образ мышления в итоге одержал в Англии победу с помощью «правовых» и «мирных» методов, которые, однако, могли вызвать не меньше реального насилия и страданий как в деревне, так и в городе XVIII — начала XIX в., чем

сама гражданская война. Даже если исходный капиталистический импульс возник в городской среде еще в Средневековье, в деревне он развивался не менее сильно, получая постоянные финансовые вливания со стороны городов, что привело к распространению в сельской местности сословия, поглотившего старый порядок. И принцип капитализма, и парламентская демократия прямо противоречат таким реалиям, как политическая власть, опирающаяся на божественную санкцию, или экономическое производство, ориентированное на пользу, а не на частную выгоду, которые оказались вытесненными и преодоленными во время гражданской войны. Без триумфа этих принципов в XVII в. сложно себе представить мирную модернизацию английского общества (это действительно был мирный процесс) в XVIII–XIX вв.

3. ОГОРАЖИВАНИЯ И УНИЧТОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА

Революционное насилие может не меньше, чем мирная реформа, способствовать установлению относительно свободного общества, и в Англии оно действительно явилось прелюдией к мирным преобразованиям. Но не всякое исторически значимое насилие принимает форму революции. Многого можно добиться в рамках законности, даже если эта законность движется путем западной конституционной демократии. Примером такого рода стали огораживания, последовавшие за гражданской войной и продолжавшиеся до начала Викторианской эпохи.

Еще полвека назад многие ученые считали огораживания XVIII в. основным инструментом, при помощи которого почти всемогущая земельная аристократия уничтожила независимое английское крестьянство¹⁶. Новейшие исследования постепенно, но неумолимо подрывали этот тезис. Сегодня в его правоте уверены лишь немногие профессиональные историки помимо некоторых марксистов. Бесспорно, это устаревшее мнение ошибочно в деталях и сомнительно в некоторых пунктах, имеющих ключевое значение для основного аргумента. Тем не менее авторы прошлого твердо фиксировали один момент, нередко исчезающий в современных дискуссиях: огораживания были окончательным ударом, который разрушил всю структуру английской крестьянской общины, воплощенной в традиционной деревне.

Как мы только что увидели, крестьянская община подверглась атакам задолго до гражданской войны. В результате войны был устранен король как последняя защита крестьянства от посягательств со стороны высших классов землевладельцев. Несмотря на малую эффективность бюрократии Тюдоров и Стюартов, она все-таки отваживалась мешать

¹⁶ См., напр., классическую монографию: [Hammond, Hammond, 1911], ср. [Johnson, 1963].

такому ходу событий. После Реставрации и Славной революции 1688 г., последнего эха великого потрясения, в XVIII в. Англия успокоилась под властью парламента. И хотя король, конечно, не был номинальной фигурой, он не пытался повлиять на распространение огораживаний. Парламент был не просто комитетом землевладельцев: коммерческие интересы горожан были также, по крайней мере косвенно, представлены через систему «гнилых местечек» [Namier, 1961, p. 4, 22, 25]. Местные администрации, с которыми крестьяне прямо соприкасались, еще сильнее, чем прежде, подчинялись джентри и титулованной аристократии. С наступлением XVIII в. решения по общественно значимым вопросам в 15 тыс. церковных приходов, образовывавших ячейки английского политического организма, постепенно начинают принимать за закрытыми дверями, устраняя последние следы демократического характера, свойственного ему в Средние века [Hammond, Hammond, 1911, p. 16–17; Johnson, 1963, p. 132].

Кроме того, именно парламент в конечном счете контролировал весь ход огораживаний. Формально процедуры, с помощью которых помещики производили огораживания согласно парламентскому акту, были публичными и демократическими. На деле же крупные владельцы собственности от начала и до конца управляли всей процедурой. Так, чтобы парламент одобрил предложение по огораживанию, на месте требовалось согласие «от трех четвертей до четырех пятых» долей... Но чего? Ответ: собственности, а не людей. Голоса не подсчитывались, они оценивались. Один крупный собственник значил больше, чем целая община мелких собственников и наемных работников¹⁷.

¹⁷ [Hammond, Hammond, 1911, p. 49–50]. В одном исследовании позиция этих авторов подверглась критике за преувеличение роли коррупции и предвзятости в том, как парламент обходился с огораживаниями. (См.: [Tate, 1942, p. 74, 75].) Автор изучил каждый случай, где можно было найти запись о том, что члены парламента собирались для рассмотрения прошений об огораживании в графстве Ноттингемшир. Он обнаружил, что в 71% из 365 рассмотренных случаев «нет оснований предполагать, что несправедливость была причинена из-за частного эгоистического интереса парламентариев, за исключением того, что несправедливость по необходимости причиняется в некоторой степени, когда в классовом обществе члены одного класса законодательствуют о жизни и собственности тех, кто занимает совершенно иную позицию в социальной иерархии» (курсив мой. — Б. М.). Но когда далее говорится, что «парламент землевладельцев, вероятно, не менее предвзято рассматривал дело о сохранении землевладельческого крестьянства, как делал бы парламент угольных промышленников, размышляя о необходимости продолжения существования углевладельцев», — создается впечатление, что автор опроверг свой собственный аргумент.

Политическое и экономическое превосходство крупных землевладельцев в XVIII в. отчасти было результатом тенденций, возникших задолго до гражданской войны, главным образом — усиления власти местной аристократии и отсутствия энергичного бюрократического аппарата, способного противостоять этой власти даже при Тюдорах и Стюартах. Исходом гражданской войны в Англии в отличие от Французской революции было значительное укрепление положения высших классов землевладельцев. Ранее уже было сказано о сравнительно малых изменениях в распределении земельной собственности в ходе Пуританской революции¹⁸. В Нортгемптоншире и Бедфордшире за двумя исключениями все известнейшие семьи 1640 г. и век спустя не утратили своего господствующего положения [Habakkuk, 1940, p. 4].

Рано приспособившись к миру коммерции и даже возглавив переход к новой эпохе, английская земельная аристократия не была уничтожена потрясениями, сопровождавшими эти перемены. Хотя связи между буржуазией и земельной аристократией в XVIII в. были слабее, чем при Елизавете и первых Стюартах, эти отношения оставались очень тесными [Ibid., p. 17]. По замечанию сэра Льюиса Нэмира, английские правящие классы XVIII в. не были «аграрными», подобно своим современникам в Германии, а цивилизация, ими созданная, не была ни городской, ни сельской. Они жили не в укрепленных замках, в сельских особняках или в городских палатках (как в Италии), но в домах, расположенных в собственном поместье [Namier, 1961, p. 16; *European Nobility*.., 1953, ch. 1].

Среди историков общепризнано, что период примерно с 1688 г. до окончания Наполеоновских войн был золотым веком крупного землевладения. В некоторых частях страны поместья расширялись за счет мелкопоместного дворянства, но в большей мере за счет крестьянства. Никто еще не отважился отрицать общее значение огораживаний или то, что огромная масса крестьян потеряла свои права на общинные земли из-за того, что они достались крупным помещикам. Это был век прогресса в сельскохозяйственных технологиях, распространения удобрений, новых зерновых культур и севооборота. Новые методы были абсолютно неприменимы на полях с правилами общинного земледелия; их стоимость была недоступна для фермеров с небольшим и даже средним достатком. Несомненно, во многом увеличение размера ферм объясняется большей рентабельностью и меньшей себестоимостью в крупном хозяйстве [Mingay, 1962, p. 480].

Тогдашние современники с энтузиазмом, пожалуй несколько чрезмерным, осознавали эти преимущества. Подобно городским капиталистам и вообще подобно всем нынешним революционерам, тогдашний

¹⁸ См. вышеупомянутые исследования Джоан Тирск.

сельский капиталист оправдывал все человеческие несчастья, порожденные его деятельностью, указанием на пользу, принесенную им обществу одновременно с получением огромной личной наживы. Если не учитывать теорию общественной пользы и существенную долю истины, в ней содержащуюся, невозможно понять жестокость движения огораживаний¹⁹.

В моих рассуждениях сельский капиталист предстает одним типом. На самом деле их было два: крупный землевладелец и крупный фермер-арендатор. Крупный землевладелец был аристократ, он ничего не делал своими руками и нередко перекладывал реальные административные частности на бейлифа, за которым, впрочем, зорко присматривал. Уолпол читал отчеты своего управляющего перед тем, как перейти к изучению государственных документов. Вклад крупного землевладельца в развитие капиталистического сельского хозяйства на этом этапе был в основном юридическим и политическим; обычно именно он являлся инициатором огораживания. В отсутствие крепостных крестьян землевладелец передавал землю в обработку крупным фермерам-арендаторам. Многие из них использовали наемный труд. Уже в самом начале XVIII в. землевладельцы имели «ясное представление о том, что такое хорошее имение. Это имение, сданное в аренду крупным фермерам, обрабатывавшим по 200 или более акров, регулярно платившим арендную плату и поддерживавшим собственность в порядке. Все три наиболее важных метода усовершенствования в тот период служили этой цели — консолидация собственности, огораживание и замена пожизненной аренды на срочную аренду по годам, — а на практике они были связаны между собой по многим аспектам» [Habakkuk, 1940, p. 15; Namier, 1961, p. 15]. Крупные фермеры-арендаторы внесли свой вклад в экономическое развитие. Хотя землевладельцы облагали их высокими налогами — позиции арендаторов были достаточно сильными, чтобы противостоять этому, они почти не предоставляли оборотный капитал своим арендаторам [Habakkuk, 1940, p. 14]. От них этого и не ждали. Но именно крупные арендаторы и богатые свободные землевладельцы, а не выдающаяся горстка «предприимчивых лендлордов» были реальными пионерами сельскохозяйственного развития, по мнению одного современного нам историка²⁰.

¹⁹ Несмотря на все сочувствие к жертвам, Хаммонды четко фиксируют этот момент: «Бессмысленно приравнивать свою скорость к медленному буколическому темпераменту мелких фермеров, воспитанных в простых и старинных нравах и встречающих подозрением любое неожиданное предложение» [Hammond, Hammond, 1911, p. 36].

²⁰ См.: [Mingay, 1962, p. 472, 479], где в качестве подтверждения приводятся путешествия Артура Юнга. В другом месте Мингей приводит значи-

Рамки периода, когда указанные перемены происходили наиболее интенсивно и глубоко, до конца не определены. Вероятнее всего, движение огораживания достигло своего пика около 1760 г. Возможно, оно добилось еще большего прогресса, стремительно продвигаясь в эпоху Наполеоновских войн, однако застопорилось после 1832 г., до неузнаваемости изменив к этому времени английскую деревню. Растущие цены на продовольствие и, вероятно, нехватка рабочей силы были главными факторами, вынуждавшими помещиков расширять свои владения и рационализировать земледелие²¹.

Так, на значительной территории Англии по мере того, как крупное землевладение становилось еще крупнее и постепенно переходило на коммерческие принципы, оно окончательно уничтожило средневековую крестьянскую общину. Скорее всего, хотя и не абсолютно достоверно, волна парламентских огораживаний в XVIII — начале XIX в. просто обеспечила правовое прикрытие для процесса размытия крестьянской собственности, продолжавшегося уже некоторое время²². Из опыта других стран нам известно, что вмешательство коммерции в крестьянскую общину обычно приводит к концентрации земли в руках узкого круга собственников. Эта тенденция была ощутима в Англии по крайней мере

тельные свидетельства в пользу того, что очень крупные землевладельцы не действовали экономически прогрессивными методами, увеличивая свою собственность; если такое происходило, то в основном за счет выгодных браков либо через корыстное использование общественных фондов. Стимул для усовершенствования методов культивации исходил от «публицистов, сельского дворянства, собственников-владельцев и крупных фермеров-арендаторов» [Mingay, 1963, ch. 3, p. 166, 171]. Автор согласен (р. 179) с тем, что огораживания были главным вкладом землевладельцев в экономический прогресс.

²¹ См.: [Ashton, 1955, p. 40], а также таблицу цен на пшеницу в 1704–1800 гг. [Ibid., p. 239; Deane, Cole, 1962, p. 94], где приводится таблица ежегодного количества парламентских актов об огораживаниях в 1719–1835 гг. (само по себе это не более чем весьма приблизительный показатель числа крестьян и размеров земель, затронутых огораживаниями); [Gonner, 1912, p. 197; Levy, 1911, p. 10, 14, 16, 18, 19]. Иную точку зрения см.: [Johnson, 1963, p. 87, 136]. Следует учесть также: [Chambers, 1953, p. 325, n. 3]. Прежний взгляд, согласно которому мелкие землевладельцы исчезли к 1760 г., отчасти базировался на анализе записей о налогах на землю (как в вышеуказанной работе Джонсона). Но сомнения в надежности этих данных см.: [Mingay, 1964, p. 381–388].

²² См.: [Ibid., p. 99, 180–181, 184, 186]. Если это заключение правильно, главная ошибка Хаммондов состояла бы в преувеличении важности парламентских огораживаний как таковых. В отличие от меня Мингей минимизирует проблемы и масштаб огораживаний [Ibid., p. 96–99, 179–186, 268–269].

I. АНГЛИЯ: ЗНАЧЕНИЕ НАСИЛИЯ И ГРАДУАЛИЗМ

с XVI в. В одной деревне, находившейся в самом центре области, которая подверглась интенсивным огораживаниям, 70% земли было изъято из крестьянской экономики еще до того, как сама деревня была огорожена по парламентскому акту. К 1765 г. лишь три из десяти семей владели землей в этой области прогрессивного производства. Остальные были рабочими, вязальщиками и мелкими торговцами. Семьдесят мелких крестьянских хозяйств из менее чем сотни владели не более чем пятой частью всей земли, тогда как десяток семей из верхнего слоя располагал тремя пятыми [Hoskins, 1957, p. 217, 219, 226–227]. Подобная ситуация в основном превалировала в области, подвергшейся интенсивным огораживаниям, начиная с середины XVIII в. Если взглянуть на карту Англии, заштрихованную в соответствии с числом графств, где происходили огораживания общинных земель, чтобы понять, какие области были этим захвачены, то окажется, что подобным процессам подверглось больше половины страны. Возможно, в свою очередь, в половине этой области, в основном в центральных графствах, но также на большом участке, вытянувшемся на север, последствия были наиболее ощутимы, затронув от почти трети до более половины территории²³.

Как обычно при подобных социальных переворотах, судьбу тех, кто проиграл от перемен, проследить очень сложно. Те, у кого были права собственности, которые можно было отстаивать на судебных процессах по огораживаниям, в общем и целом лучше справлялись с превратностями судьбы, чем те, у кого таких прав не было. Уже то, что многим мелким собственникам приходилось нести большие расходы, связанные с судами по огораживаниям, а также оплачивать установку изгородей и рытье канав, делало их ситуацию ненадежной [Gonner, 1912, p. 201–202, 367–369; Hoskins, 1957, p. 260]. Те же, чьи права собственности были сомнительными или ничтожными, не попадали в исторические свидетельства, поскольку у них не было того, что можно отстаивать в суде. «Эти безземельные или почти безземельные работники, а также мелкие арендаторы, исчезнувшие после консолидации собственности, были подлинными жертвами огораживаний, и если о них постоянно не вспоминать, они станут также жертвами статистики» [Chambers, 1953, p. 316–317; Hoskins, 1957, p. 268]. Среди этих низших слоев до огораживаний существовало некоторое разнообразие экономических и правовых положений. Самые бедные семьи (например, арендаторы-батраки) имели скромное жилище и право на обработку нескольких полосок земли, а также, возможно, на содержание коровы, пары гусей или свиньи. Люди

²³ Карту огораживаний общинных полей в XVIII–XIX вв. см.: [Clapham, 1952, vol. 1, p. 20]. Карта базируется на работе Гоннера [Gonner, 1912] и опирается на более ранние исследования, статистические данные в которых безупречны.

и животные были обречены на жалкое существование, при котором права совместного пользования играли значительную роль. Для работников и, конечно, для безземельных тружеников, которые лишь в силу традиции, а не по закону могли рассчитывать на пользование общинной собственностью, потеря этого права или привилегии означала катастрофу. «Захват в исключительное пользование практически всей общинной пустоши ее легальными владельцами означал, что занавес, отделявший растущую армию рабочих от окончательной пролетаризации, был сорван. Это, конечно, был ветхий и тонкий занавес, но он был реальным, и отнять его у них, не обеспечив замены, значило лишить рабочих тех немногих достижений, которые обеспечивал их тяжкий труд» [Chambers, 1953, p. 336]. В итоге маленький человек из деревенских низов был оттеснен на обочину жизни. Он либо пополнял новую армию деревенских рабочих, чей труд требовался для установки изгородей, рытья канав, строительства дорог и выполнения новых сельскохозяйственных работ, которые пока еще нельзя было производить трудосберегающими машинами, либо присоединялся к несчастным рабочим в одолеваемых эпидемиями городах. Современные ученые склонны полагать, что обездоленные батраки и безземельные работники обычно оставались на земле, тогда как работники и батраки из «неабсорбированного излишка» становились промышленными рабочими (см., напр.: [Ibid., p. 332–333, 336]). Но в основном только неженатые молодые люди либо сельские ремесленники были готовы покинуть дом — и только такие люди требовались новым индустриальным работодателям. Зрелые семейные мужчины были плохо обучаемы и не могли окончательно освободиться от устройства деревенской жизни. Оставаясь на земле, они прибегали к своему «последнему праву» — к праву на пособие по бедности [Thompson E., 1963, p. 222–223].

В одной из деревень Лестершира, «как и в тысячах других приходах центральной и южной части Англии», огораживания общинных полей, потеря общинной собственности и условия денежной экономики привели к постоянному росту налога на бедность, обеспечивавшего в 1832 г. «почти половину деревенских семей регулярным пособием по бедности и еще большее количество семей разовыми пособиями». В прежние времена эти семьи были самодостаточными мелкими фермерами или среднего достатка работниками, способными самостоятельно добыть все необходимое для жизни в условиях экономики с неогороженными полями [Hoskins, 1957, p. 269–270]. Там, где система открытых полей вообще работала в плане обеспечения самого необходимого, она была основой для экономического равенства в деревне и также способствовала укреплению сети социальных связей, основанных на разделении труда, т.е. деревенской общины. В прошлом, когда община была сильна, крестьяне

энергично и небезуспешно боролись за свои права. В XVIII в. после финальной волны огораживаний и под влиянием торговли все эти мелкие фермеры уже не могли сопротивляться или защищать себя²⁴. Очевидно, что с ликвидацией общинных полей, после того, как в сельской местности восторжествовала новая экономическая система, прежние крестьянские сообщества сдали свои позиции и распались [Hoskins, 1957, p. 249–250, 254–255].

Если рассматривать движение огораживания в целом и принимать во внимание результаты современных исследований, становится ясно, что наряду с подъемом промышленности огораживания значительно усилили позиции крупных лендлордов и уничтожили английское крестьянство, устранив его как фактор политической жизни Британии. С точки зрения обсуждаемых здесь проблем это в конечном счете и есть самое главное. Более того, для «лишнего» крестьянина не имело большого значения, шла ли речь о влиянии городов и заводов или об изгнании из деревенского мира. В любом случае его принуждали к выбору из двух зол, одинаково означавших деградацию и страдание по сравнению с традиционной жизнью деревенской общины. Принуждение, приводившее к этому результату, продолжалось в течение долгого времени, реализуясь главным образом через правовые процедуры, и в итоге способствовало установлению демократии на более прочной основе. Однако это не должно для нас заслонять собой тот факт, что огораживание, по сути, было массовым насилием высших классов над низшими.

4. АРИСТОКРАТИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ ДЛЯ ПОБЕДИВШЕГО КАПИТАЛИЗМА

Сам по себе XIX век был эпохой мирных преобразований, когда парламентская демократия получила прочное основание, постепенно расширяя свой успех. Прежде чем обратиться к вопросу, какая часть аграрных перемен сыграла роль в этом процессе, следует кратко остановиться на том, какими способами насилие в XVII и XVIII вв. — в одном случае открытое революционное, в другом случае скрытое и легальное, но от этого не менее жестокое — подготовило путь для мирного перехода в XIX в. Устранение связи между этими эпохами равносильно фальсификации истории. Однако уверять в необходимости и неизбежности этой связи означало бы объяснять настоящее через прошлое с помощью аргумен-

²⁴ Т. Аштон утверждает, что «...если бы выселению подверглись значительные массы, они вряд ли бы безропотно покинули эту землю. Однако об аграрных восстаниях или сколько-нибудь значимых локальных стычках того времени нет никаких свидетельств. Это был процесс постепенного вытеснения» [Ashton, 1955, p. 36]. О последнем аграрном бунте в 1830 г. см.: [Hammond, Hammond, 1911, ch. 11, 12].

та, который невозможно проверить. Все, на что способен социальный историк, — это указать на контингентную связь отдельных изменений в социальной структуре.

Пожалуй, главным наследством сурового прошлого было усиление парламента за счет власти короля. Факт существования парламента означал наличие гибкой институции, обеспечивающей площадку, где могут быть представлены новые социальные элементы по мере возникновения их требований, а также — институциональный механизм для мирного разрешения конфликтов среди этих групп. Даже если парламента возник после гражданской войны главным образом как инструмент коммерчески настроенных представителей высшего класса землевладельцев, он не остался таковым, став чем-то гораздо бóльшим, как показал опыт. Тот факт, что этот класс создал себе экономическую опору, подтолкнувшую его на сопротивление королю в период до гражданской войны, был напрямую связан с усилением парламента — данный момент прояснится, если сравнить ход событий в Англии с теми странами, где этого не произошло. Сильная коммерческая ориентированность высших классов землевладельцев, джентри и титулованной знати также означала отсутствие сплоченной группы аристократов, которая бы выступала против развития промышленности. Несмотря на многочисленные проявления недовольства среди знати, следует признать, что наиболее влиятельная часть высших классов землевладельцев стала политическим авангардом торгово-промышленного капитализма. В XIX в. эта политика продолжилась в новых формах.

Другим важным следствием было уничтожение крестьянства. Есть веские основания полагать (пусть даже этот вывод покажется жестоким и бессердечным), что вклад этого обстоятельства в мирные демократические перемены мог быть не менее важным, чем усиление роли парламента. Это означало, что модернизация продвигалась в Англии при отсутствии обширного запаса консервативных и реакционных сил, который на определенном этапе существовал в Германии и в Японии, не говоря уже об Индии. Кроме того, это, разумеется, снимало с исторической повестки возможность крестьянской революции на русский или китайский манер.

В конце XVIII — начале XIX в. победа парламентской демократии отнюдь не казалась неизбежной. Самое большее несколько человек имели крайне туманные представления о том, что значат эти слова и какого типа общество может вскоре возникнуть. В XVIII в. торговля достигла значительного прогресса. Начали появляться признаки конфликта между интересами помещиков и купцов. Влиятельные элементы среди последней группы стремились к продвижению агрессивной внешней политики в погоне за сырьем и рынками, тогда как многие джентри вели

I. АНГЛИЯ: ЗНАЧЕНИЕ НАСИЛИЯ И ГРАДУАЛИЗМ

себя осторожно из опасения повышения налогов в период, когда налог на землю был главным источником дохода. Постепенно стали различимы радикальные голоса, призывавшие к реформе устаревшей структуры английского общества, в особенности коррумпированного парламента. Традиционное мнение, что политика в XVIII в. была борьбой группировок, лишенной политического содержания, совершенно не соответствует действительности. Возникали те же проблемы, что и в XVII в., касавшиеся взаимоотношений между новой и старой формами общества и цивилизации, но перенесенные в новую эру, хотя после потери американских колоний вряд ли можно было утверждать, что Англия находится на пороге революционного взрыва²⁵.

Французская революция положила конец всем надеждам на реформу. Точнее говоря, как только революция преодолела либеральную фазу, когда бегство Людовика XVI в Варен и его арест «сорвали завесу иллюзии» с либеральной перспективы и революция стала перерастать в радикальную фазу, ее английские сторонники постепенно стали чувствовать себя во все более затруднительном положении. Уильям Питт Младший прекратил все разговоры о реформах. В Англии начался переход к фазе репрессий, продолжавшейся до конца Наполеоновских войн. Основная черта этой фазы проявилась в том, что высшие классы как в городе, так и в деревне сплотились под патриотическими и консервативными лозунгами против угрозы французского радикализма и тирании, а также против малейших посягательств на свои привилегии²⁶. Если бы угроза революции и военной диктатуры не была устранена в битве при Ватерлоо, едва ли в XIX в. в Англии возобновились бы те медленные и нерешительные шаги к политической и социальной реформе, которые были остановлены в конце XVIII в. Одним из предварительных условий для мирной демократической эволюции в Англии было наличие приемлемых режимов в Европе, гарантировавшее безопасность с этой стороны.

²⁵ [Plumb, 1950, p. 132]. Этот превосходный обзор отчетливо выделяет конфликт между интересами землевладельцев и торговцев. См. также [Mingay, 1964, p. 260–261, 265] о конфликте между крупными собственниками и мелкими джентри, фермерами и городскими средними классами, пик недовольства которых, по утверждению автора, приходится на время Американской войны.

²⁶ Многие в тех событиях напоминает американскую реакцию на коммунистическую экспансию после 1945 г. Та же неопределенность относительного характера революционного противника, та же эксплуатация этой неопределенности со стороны правящих социальных групп, то же разочарование и смятение среди прежних сторонников, когда зарубежная революция обманула их ожидания. В последующем разделе книги и в связи с другими типами реакционных движений я постараюсь рассмотреть эту фазу более полно.

Для того чтобы понять, почему реакционная фаза была сравнительно краткой и движение к более свободному обществу возобновилось в XIX в., необходимо принять в расчет не только классы землевладельцев. На рубеже веков они достигли вершины экономического и политического могущества; и последующая история повествует уже о защите ими своих достижений или уступках, с которыми можно было примириться, поскольку процесс разрушения этой власти продвигался медленно, а ее экономическая основа оставалась прочной. Популярные механические метафоры вводят в заблуждение. Хотя капиталистические элементы в городах «усиливались», высшие классы землевладельцев отнюдь не «ослабевали»: по крайней мере этого не происходило довольно долго. В конце Наполеоновских войн прогрессивные городские капиталисты достигли значительного влияния благодаря своим экономическим успехам, которые, как подчеркивают сегодня историки, накапливались в течение долгого времени. Для них большая часть пути оказалась гладкой, поскольку лидирующая роль принадлежала землевладельческим классам. Английским капиталистам XIX в. не нужно было полагаться на Пруссию и ее юнкеров ради обеспечения национального единства, снятия внутренних торговых ограничений, установления единой правовой системы, введения современной валюты и других необходимых условий индустриализации. Задолго до этого политический порядок был поставлен на рациональную основу и возникло современное государство. С минимальной помощью от него эта первая капиталистическая буржуазия превратила большую часть мира в свою торговую зону. Экспансия английского промышленного капитализма, на время приостановленная Наполеоновскими войнами, продолжалась в основном мирными способами, привлекла зарубежные ресурсы и превратила Англию XIX в. в мастерскую мира. Другие задачи капитализма, например обучение рабочей силы, лидеры английской промышленности смогли решить своими средствами с минимальной помощью со стороны государства и землевладельческой аристократии. У них не было иного выбора из-за слабости репрессивного аппарата английского государства вследствие гражданской войны, предшествующей эволюции монархии, и большей значимости флота, чем армии. В свою очередь, отсутствие сильной монархии, которая, подобно прусской, контролировала бы армию и бюрократию, облегчило развитие парламентской демократии.

В то же время джентри-землевладельцы и те, кто стоял еще выше в социальной иерархии, сохранили прочный контроль над рычагами политической власти. Они формировали кабинет министров, монополизировали представительство сельских районов, но также заседали в парламенте и как представители городов. На местном уровне их влияние оставалось весьма значительным. Как отметил недавно один историк,

старый правящий класс по-прежнему твердо управлял страной в середине XIX в. «Политическая система была все еще в значительной степени игрой аристократии и джентри, в особенности наследников крупных имений». К ядру этой системы относилось, вероятно, не более 1200 человек [Clark, 1962, p. 209–210, 214, 222].

Однако они опирались на властные рычаги в условиях сильной конкуренции со стороны других классов. Исключительное внимание к их доминирующей позиции в формальном и даже неформальном механизме политики создало бы ошибочное впечатление всемогущества джентри и аристократии [Thompson F., 1963, p. 273–280]²⁷. Даже если Парламентский акт 1832 г., предоставивший право голоса промышленным капиталистам, разочаровал наиболее ревностных сторонников и развеял опасения наиболее ревностных противников, его принятие означало, что буржуазия продемонстрировала свою силу²⁸. То же самое можно сказать об отмене Хлебных законов в 1846 г. Высшие классы землевладельцев избежали поражения, но обнаружили пределы своего могущества.

В течение десяти лет, с 1838 по 1848 г., даже перед лицом чартистской пропаганды не возникает сильной и бескомпромиссной реакционной политики. Консервативное правительство, понукаемое королевой Викторией и герцогом Веллингтоном, действительно использовало войска, вскрывало частную корреспонденцию в поисках информации и предъявило нескольким вожакам обвинения в заговоре, однако при-

²⁷ Здесь автор распознает этот факт и приводит подробные свидетельства характера этих отношений после 1830 г. Хотя это прекрасное исследование было опубликовано слишком поздно для того, чтобы я успел в полной мере воспользоваться его результатами, оно избавляет от потребности в более обстоятельном повествовании, нежели приведенный мной очерк событий XIX в.

²⁸ Главными проводниками акта были виги, помещики-аристократы с традиционными семейными и групповыми связями среди «денежных кругов» лондонского Сити и немалой долей фабричного капитала в индустриальных провинциях. Будучи аристократами и пользуясь прочностью своего положения, они были готовы принять реформу, чтобы избежать худшей опасности, т.е. революционного взрыва, подобного тому, что случился во Франции в 1830 г. Но при необходимости они были не против применения силы. Лорд Мельбурн, представлявший эту группировку в министерстве внутренних дел, безжалостно подавил восстание деревенских рабочих (1830 г.): 9 рабочих были повешены, 457 сосланы, почти столько же были заключены в тюрьму на различные сроки. Он отказался рассматривать позитивные меры для устранения недовольства. Так лидеры вигов ясно показали свое намерение сохранить английскую собственность в неприкосновенности. См.: [Briggs, 1959, ch. 5, p. 237, 239, 249–250], где приводится расклад сил за и против реформы, а также увлекательную и поучительную биографию Мельбуерна авторства лорда Сесилия.

саяжные были снисходительны. Консервативное правительство воспользовалось случаем для атаки на радикальную прессу. Виги, находившиеся у власти в начале и в конце этого периода, были еще более беспечны. Лорд Джон Рассел, министр внутренних дел, запретил мешать проведению грандиозных чартистских митингов осенью 1838 г. За исключением сравнительно коротких периодов, правительство почти не обращало внимания на чартистов. В личном архиве Рассела сохранились лишь отдельные упоминания об этом движении. По иронии судьбы, единственное кровопролитие, когда 22 чартиста были застрелены во время бунта, произошло уже после того, как генеральный прокурор в правительстве вигов хвастался, что усмирил волнения, «не пролив ни капли крови» [Mather, 1959, p. 375–376, 383, 393–398].

Поскольку чартистское движение не отказывалось от насилия, оно представляло серьезное испытание для либеральных принципов. Сравнительно мягкое обращение с ним со стороны правящих классов можно объяснить тремя факторами. Во-первых, проявило себя осознание необходимости облегчить бедственное положение масс, а также отчетливое неприятие силового решения. Это настроение, в свою очередь, прослеживается в английской истории по крайней мере начиная с Пуританской революции. Рассел был убежденный виг, преданный идеалу свободы, поэтому он не желал мешать открытому обсуждению политических проблем [Ibid., p. 374]. Во-вторых, английское государство в любом случае не имело сильного репрессивного аппарата. В-третьих, сочетание законодательных мер по улучшению положения бедняков с благоприятной переменой в экономической ситуации, вероятно, ослабило протестное движение еще до того, как оно смогло перерасти в подлинную угрозу.

Ситуация в первой половине XIX в. и даже значительно позже весьма сильно отличается от ситуации в Германии, где тогда же (и позже) намного более слабая буржуазия искала помощи у землевладельческой аристократии для защиты от народного недовольства и проведения необходимых мер для политической и экономической модернизации. В Англии помещики отчасти соперничали с буржуазией за народную поддержку. После 1840 г. землевладельческий класс нашел в продвижении фабричного законодательства удобный контраргумент против претензий фабрикантов к Хлебным законам, правда, следует отметить, что среди фабрикантов также встречались просвещенные сторонники сокращения продолжительности рабочего дня [Woodward, 1949, p. 142].

Таким образом, вопрос о бескомпромиссной оппозиции развитию демократии был второстепенным и малоинтересным для английской землевладельческой аристократии XIX в.²⁹ В английской истории не удается

²⁹ О том, что из этого вышло, см.: [Turberville, 1958, ch. 11–13].

I. АНГЛИЯ: ЗНАЧЕНИЕ НАСИЛИЯ И ГРАДУАЛИЗМ

найти ничего подобного тем немецким консерваторам, представители которых вскакивали со своих мест в парламенте ради демонстративной овации громкой риторике Эларда Ольденбург-Янушау: «У короля Пруссии и кайзера Германии всегда должна быть возможность приказать каждому лейтенанту: “Возьми взвод солдат и расстреляй рейхстаг!”» [Schorske, 1955, p. 168].

Одна из причин того, что такого рода сцены были неуместны в Англии XIX в., заключается в том, что ни английской знати, ни джентри не нужно было, в отличие от немецких юнкеров, давить на политические рычаги, чтобы поправить свое пошатнувшееся экономическое положение. Даже отмена Хлебных законов не имела тех страшных последствий, которыми пугали. Состояние сельского хозяйства на общем фоне после 1850 г. только улучшилось. Цены неуклонно росли. Управление помещьем все больше приобретало форму капиталистического предприятия, поскольку управляющие стремились воспользоваться преимуществами серьезного прогресса в сельскохозяйственных технологиях, разработанных в предшествующие десятилетия. Здесь естественным образом возникало значительное разнообразие. В высших сферах обычная практика состояла в передаче большей части ответственности доверенному лицу. В результате сами собственники использовали свободное время для спорта, культуры и политики, тогда как активность доверенного лица постепенно приобретала все основные черты профессиональной деятельности. Однако крупный лендлорд все-таки сам принимал ключевые решения и нес за них ответственность, оставляя доверенному лицу исполнение рутинных обязанностей. Выбор джентри состоял в том, чтобы добросовестно управлять помещьем своими силами либо передать дела в управление городским стряпчим, которые часто не разбирались в деревенской жизни, а, по мнению некоторых джентри, еще наживались на разорении собственников земли (см.: [Clark, 1962, p. 216–217; Thompson F., 1963, ch. 6]). Высшие классы землевладельцев, имея долю прибыли в общем экономическом подъеме Викторианской эпохи и продолжая постепенно превращаться в буржуа и капиталиста, имели намного меньше причин, чем дворяне на континенте, для недовольства прогрессом капитализма или демократии.

Как и в предшествующие периоды, в XIX в. границы между богатыми аристократами, классом джентри и высшими классами купцов и представителей отдельных профессий были размыты и неустойчивы³⁰.

³⁰ В конце XVIII в. появились признаки резкого антагонизма между старым сословием сквайров, цеплявшихся за монополию на местную политическую власть, и новыми промышленниками. Впоследствии они нередко мирно уживались. Однако вплоть до настоящего времени владельцы мелкого бизнеса остаются за пределами аристократического круга.

Во многих конкретных случаях сложно решить, к какой категории относится то или иное лицо. Эта сложность, приводящая в отчаяние каждого, кто приступает к статистическому анализу английской классовой структуры, составляет один из самых значительных фактов, характеризующих эту самую структуру³¹.

Количественно взаимопроникновения между буржуазией и землевладельческой аристократией не могли сильно различаться в Англии и Германии XIX в. Некоторые статистические данные даже свидетельствуют о том, что этот процесс, как ни удивительно, в большей мере затронул Пруссию. Так, один исследователь утверждает, что на протяжении ряда лет до 1918 г. в среднем чуть больше 78% членов прусской палаты представителей происходили из среды простых граждан (Bürgertum) и новой знати. Однако на дипломатических и административных постах, через которые по-настоящему открывался доступ к власти в Германии, доля простолюдинов была уже соответственно 38 и 43%. Исследование состава английского парламента в 1841–1847 гг. обнаруживает лишь 40% парламентариев, обладавших деловыми связями, тогда как оставшиеся 60% вообще не имели никакого отношения к бизнесу³². При обращении к такого рода свидетельствам возникают досадные технические проблемы; например, насколько в действительности сопоставимы статистические данные разных стран? Уместно ли сравнивать между собой 40% английских парламентариев с деловыми связями и 78% прусской палаты представителей, избранной из среды Bürgertum? Я отношусь к этому достаточно скептически, считая, что, даже если эти технические проблемы сами по себе разрешимы, вряд ли здесь можно достичь значительного прогресса.

Сама по себе количественная мера мобильности мало что говорит нам о социальной анатомии и функционировании социального организма. В Пруссии XIX в. представители буржуазии, устанавливавшие связи с аристократией, обычно перенимали черты и образ мышления знати. В Англии происходило скорее обратное. Поэтому, даже если бы у нас была технически безупречная мера мобильности, которая дала бы нам идентичные количественные показатели по степени смещения для Англии и Пруссии, мы бы допустили роковую ошибку, утверждая сходство между этими странами. Для неподготовленного читателя статистические данные оказываются ловушкой, когда они отвлекают от су-

³¹ См. интересное приложение о деловых интересах джентри — исследование о тех, кто заседал в парламенте в 1841–1847 гг.: [Aydelotte, 1962, p. 290–305].

³² Для Германии см.: [Preradovich, 1955, S. 164]; для Англии — [Aydelotte, 1962, p. 301]. К сожалению, автор не приводит отдельных данных по палате общин, которые могли в значительной мере изменить картину.

I. АНГЛИЯ: ЗНАЧЕНИЕ НАСИЛИЯ И ГРАДУАЛИЗМ

щества ситуации и всего социального контекста, в котором происходит взаимопроникновение классов. Этот момент необходимо подчеркнуть, поскольку статистика теперь в моде. Люди, стоящие у власти, не обязательно пользуются ею исключительно в интересах своего исходного класса, тем более в меняющихся обстоятельствах.

В Англии существовала тенденция к усвоению аристократических черт торговой и промышленной элитой. Все рассказы про Англию до 1914 г. и даже после того создают впечатление, будто акры зеленых холмов и деревенский дом были абсолютно необходимы для политического и социального возвышения. Однако примерно с 1870-х годов земельная собственность все больше становилась признаком статуса, чем подлинным основанием политической власти.

В это время отчасти из-за большей доступности для Европы заокеанского зерна после Гражданской войны в Америке и в результате развития паровозостроения наступает аграрный спад, серьезно ослабивший экономическую базу верхней страды землевладельцев³³. Примерно то же самое случилось в Германии, что дает повод для еще одного поучительного сравнения между этими двумя странами. Для сохранения своих позиций и в целях формирования единого аграрного фронта с крестьянами-собственниками в остальной Германии немецкие юнкеры могли положиться на помощь государства. В Германии никогда не было ничего подобного отмене Хлебных законов. Напротив, ведущие секторы промышленности присоединились к «альянсу стали и ржи» (окончательно оформленному в тарифной политике 1902 г.), получив свою долю прибыли в программе строительства флота. В целом коалиция юнкеров, крестьян и промышленных интересов, сложившаяся вокруг программы империализма и реакции, имела катастрофические последствия для немецкой демократии. В Англии конца XIX в. подобный союз не мог появиться. Империалистическая политика Англии уже имела долгую историю. Она могла быть альтернативой и даже, возможно, дополнением к политике свободной торговли, но не совершенно новым социальным феноменом эпохи развитого капитализма³⁴. Для решения аграрных проблем консервативные правительства в 1874–1879 гг. приняли лишь незначительные паллиативные меры; либералы после 1880 г. все пускали на самотек либо активно попирали интересы аграриев [Clark, 1962, p. 247–249]. В общем и целом сельскому хозяйству было предложено действовать самостоятельно, т.е. совершить почетное самоубийство без некоторых возвышенных стенаний. Вряд ли бы до такого дошло,

³³ См.: [Thompson F., 1963, p. 308–318], где рассматриваются различия в воздействии экономического спада на разные землевладельческие группы.

³⁴ См. превосходную статью: [Gallagher, Robinson, 1953, p. 1–15].

СОЦИАЛЬНЫЕ ИСТОКИ ДИКТАТУРЫ И ДЕМОКРАТИИ

если бы к тому времени высшая страта в Англии уже не перестала быть преимущественно аграрной. Экономический базис сдвинулся в промышленность и торговлю. Дизраэли и его последователи доказали это; посредством некоторых реформ народную поддержку консерватизму можно было сохранять и обеспечивать в демократическом контексте. Предстояли еще битвы, например атака Ллойд Джорджа на титулованную аристократию в его бюджетной политике 1909 г. и разразившийся в связи с этим конституционный кризис. Но несмотря на все эмоции, к этому времени аграрная проблема и тема власти землевладельческой аристократии отошли на второй план, уступив место новым вопросам о способах включения промышленных рабочих в демократический консенсус.

Если с этой позиции оглянуться на XIX столетие, то какие факторы оказались самыми важными для движения Англии по пути демократии? Выше были упомянуты те из них, которые имели отношение к суровому прошлому: сравнительно сильный и независимый парламент, торговые и промышленные круги с автономным экономическим базисом, отсутствие острой крестьянской проблемы. Другие факторы были специфичны уже для XIX в. Пользуясь властью в условиях быстро развивающегося капитализма, высшие классы землевладельцев пополнили свои ряды новыми элементами, одновременно соперничая с ними за народную поддержку, — либо, по меньшей мере, они избежали крупного поражения благодаря своевременным уступкам. Такая политика была необходимой ввиду отсутствия мощного репрессивного аппарата. Она оказалась возможной, поскольку экономические позиции правящих классов ослабевали постепенно и таким образом, что это позволило им переключиться с одного экономического базиса на другой с минимальными сложностями. Наконец, политика, бывшая не только необходимой, но и возможной, стала реальностью, поскольку ее лидеры видели проблемы и решали их достаточно аккуратно и своевременно. Бессмысленно отрицать историческую роль умеренных и рациональных политиков. Однако следует понимать, в какой ситуации они действовали, а она во многом была результатом действий людей не менее проницательных, хотя вряд ли столь же умеренных.

Научное издание
Серия «Политическая теория»

БАРРИНГТОН МУР-МЛАДШИЙ

СОЦИАЛЬНЫЕ ИСТОКИ ДИКТАТУРЫ И ДЕМОКРАТИИ:

РОЛЬ ПОМЕЩИКА И КРЕСТЬЯНИНА
В СОЗДАНИИ СОВРЕМЕННОГО МИРА

Главный редактор
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Заведующая книжной редакцией
ЕЛЕНА БЕРЕЖНОВА

Редактор
МАРИНА КОВАЛЕВА

Художник
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Верстка
ЮЛИЯ ПЕТРИНА

Корректор
ОЛЬГА РОСТКОВСКАЯ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
Тел./факс: (499) 611-15-52

Подписано в печать 16.12.2015. Формат 70×100/16
Гарнитура Minion Pro. Усл. печ. л. 39,7. Уч.-изд. л. 32,1
Печать офсетная. Тираж 1000 экз.
Изд. № 1623. Заказ №

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская обл., г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
www.chpd.ru, e-mail: sales@chpd.ru,
тел.: 8 (495) 988-63-76, тел./факс: 8 (496) 726-54-10